

**ЛУЧШИЕ
БИОГРАФИИ**

**ЛЕОНИД
БЫКОВ**

АТЫ-БАТЫ...

**Наталья
Тендора**

Лучшие биографии

Наталья Тендора

Леонид Быков. Аты-баты...

«Алгоритм»

2011

Тендора Н. Я.

Леонид Быков. Аты-баты... / Н. Я. Тендора — «Алгоритм»,
2011 — (Лучшие биографии)

Поистине всенародное признание получили актерские и режиссерские работы Леонида Быкова – кумира миллионов зрителей. Его роли в фильмах «Укротительница тигров», «Максим Перепелица», «Добровольцы», «Майские звезды», «Алешкина любовь», «В бой идут одни старики», «Аты-баты, шли солдаты...» достигают предельной жизненной достоверности и убедительности, подлинного мастерства, наделены неповторимым обаянием. Артист редкого дарования, он нашел свою тему и в режиссуре. Его фильмы о Великой Отечественной – реквием русскому солдату, не вернувшемуся с войны. Яркая жизнь талантливейшего актера и режиссера оборвалась на самом взлете, когда Леонид Быков начинал работу над новым фильмом... Его гибель в автокатастрофе под Киевом осталась загадочной.

© Тендора Н. Я., 2011

© Алгоритм, 2011

Содержание

Мгновения до гибели	5
Последний лирический герой	7
«Не расплескать бы душу!..»	11
Тайны характера. О чем умолчали звезды	21
Родом из детства	24
Установленный адрес	26
Барнаульское детство	28
Краматорская премьера	30
Клятва на крови. Мечта о небе	31
«Хочу в артисты!» Первые неудачи и победы	34
Харьковские университеты	36
Обреченный стать звездой	43
«Судьба Марины»	47
«Укротительница тигров»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наталья Тендора Леонид Быков. Аты-баты...

*Моему отцу – киносценаристу и кинокритику Ярославу
Ярополкову и его поколению военных мальчишек, к которому
принадлежал и Леонид Быков, посвящается...*

ЛЕОНИДУ ФЕДОРОВИЧУ БЫКОВУ

*Какая жизнь осталась позади!..
Дарящая теперь седые пряди...
В ней все, что смысл имело впереди,
Все для людей, точнее, людей ради.
Гаснут жизни друзей – небу тесно от звезд.
Переполнена грудь тоскою.
Боль оставленных ими на сердце борозд
Не дает и не даст мне покоя.
И не надо! Покой – это будет потом...
Это чуждая тишь, безбрежность...
Красота украшает наш сказочный дом,
А спасает планету – нежность.
И спасает ее доброта ваших глаз,
Вам прибудет и век не убудет,
Все бесценные россыпи нежности в вас,
Не гасите их, добрые люди!
...Окончен дней недлинный ряд.
Скорбим, над тишиною стоя!..
Кинематографа солдат
Ушел в бессмертье с поля боя.*

*(Дмитрий Миргородский, стихи из фильма «...Которого любили
все»). 1982 г.*

Мгновения до гибели Вместо пролога

В это верилось с трудом, но его белоснежная красавица «Волга», которую он так любил и с которой столько возился, вмиг стала неуправляемой. Словно лошадь, почувствовавшая свободу и пытающаяся скинуть седока, она неслась, не разбирая дороги, не подчиняясь хозяину...

Вновь поздняя весна показала свой нрав. День внезапно, как это редко бывает в апреле, не потемнел, а буквально почернел. Ветер гнал густой тяжелый дождь, в котором дорога проглядывалась не далее десяти метров. Машины двигались в этой мгле почти на ощупь, с зажженными фарами. За окном мелькали еще не покрытый листвой, почти не видимый глазу редкий перелесок и лужи с талой водой, не впитавшейся в черную, рыхлую, с прогалинами, землю.

Перед глазами вдруг начал прокручиваться калейдоскоп воспоминаний: вот он мальчишкой лезет в соседский палисадник за цветами, чтобы подарить их понравившейся однокласснице. А вот и огромный, гудящий, как улей, спортзал, в котором обосновались абитуриенты,

приехавшие со всего Союза поступать «на артистов». Лицо красавицы, которой вскоре суждено стать его женой. Дорогие сердцу лица друзей-товарищей «2-й поющей эскадрильи»...

Продолжая без устали жать на педаль тормоза с такой силой, что слева за грудиной невыносимо защемило, он вздрогнул от холодящей своей безысходностью лихорадочной мысли: «Неужели все?» Сердце сжалось болью – не за себя, за них – Тому, ребятам... Сколько он еще не успел сделать! Мало того, что жена больна, так именно сейчас он так нужен Лесю. Парнишка только начал выправляться. Кто знает, что он еще натворит без отцовской руки? А его отрада, его любимица Марьяна, как она, ведь теперь все заботы лягут на ее хрупкие плечи? Ничего, – постарался он взять себя в руки, – помогут друзья».

И тут он отчетливо увидел, как бы он снял это в кино. Наезд камеры... Крупно – перекошенное непоправимостью надвигающейся беды бледное лицо героя, выпуклая пульсирующая жилка на чуть взмокшем виске, прилипшая прядь волос...

А тем временем сознание угодливо прокручивало самые яркие, наполненные счастьем моменты его жизни: катание мальчишкой на санках, первый поцелуй, светящиеся глаза любимой, неуверенные шаги первенца... Как режиссер, он бы это прекрасно снял. Столько в его судьбе было побед, и все же больше горечи от предательств, боли утрат... Есть люди, воспринимающие счастье полнее, чем невзгоды, как видно он из их числа.

...Так и не успев испугаться, не в силах избежать трагедии, Быков резко вывернул руль. Сумбур мыслей стал пульсирующе краток. Машина пошла юзом и правой дверцей врезалась в бампер встречного грузовика. В тот же миг все тело Быкова взорвалось резкой болью, словно «раскрошившись» на тысячу крошечных обжигающих осколков, и мир взорвался кровавым протуберанцем... Машина, протаранив «Волгу», как бы взяла ее на клыки и уже в обратном направлении проволокла еще метров десять, выковыряв на обочине глубокие ямы передними колесами легковушки. И остановилась как вкопанная...

...Вот уже который год у мемориальной доски Леониду Федоровичу Быкову на административном корпусе Киностудии имени Довженко в день его рождения, 12 декабря и в день смерти, 11 апреля, соберутся коллеги, друзья. Молча постоят, потом зайдут в музей студии, выпьют «законные» сто грамм... А на асфальте у стены останутся алеть любимые быковские гвоздики.

Чтобы помнили...

Последний лирический герой

*Он знал, что будет так – и до конца был крепок,
Спасая правду от липучей лжи,
Он стал снимать кино, снимая жизни слепок
Прикосновением души...*

Валентин Гафт

Сегодня уже невозможно представить себе отечественный кинематограф без обаяния и комедийного дарования Леонида Быкова, давно ставшего легендой. Его талант сразу полюбился внимательному глазу кинокамеры. Сколько положительной энергии и душевного тепла дарили его герои с экрана! Они восполняли дефицит доброты, особенно остро ощутимый сегодня. Яркая индивидуальность актера по-прежнему согревает сердца тех, кто помнит его. Быков навсегда останется одним из самых любимых артистов. Вспоминая его, невольно улыбаешься. Молодой актер, оставаясь самим собой, утверждал правду жизни, привнес в комедию свободное дыхание. Его герои старались не терять оптимизма и чувства юмора ни при каких обстоятельствах. С момента прихода их на экран прошло немало времени, выросло не одно поколение зрителей, а они по-прежнему незабываемы.

У каждого человека есть главное дело жизни. У писателя – это книга, у актера – роль. Для творчества Леонида Быкова – создание образа обыкновенного человека. Суть таланта Быкова – человечность, это не просто его тема в искусстве, а внутренний знак, который не спрячешь.

Актер легко преодолевал официоз своего времени, его личность была несовместима с идеологическими штампами. Возможно, поэтому у быковских персонажей столь завидная судьба. Созданные Быковым образы: невезучий в любви Федя Мокин из «Укротительницы тигров», находчивый весельчак Максим Перепелица из одноименного фильма, Алеша Акишин с его врожденной потребностью жажды настоящей героической жизни из «Добровольцев», чистый помыслами, верный сердцем Алешка из «Алешкиной любви», разведчик, сорвиголова Сашко Макаренко из «Разведчиков», капитан Титаренко с его «Смуглянкой» из фильма «В бой идут одни старики» и бывалый солдат Святкин из военной драмы «Аты-баты, шли солдаты...» – отмечены подлинным мастерством. Все они с легким изящным юмором воплощают на экране общечеловеческий и гражданский идеал.

Быковская исполнительская органика предельно точна и естественна. И в этом – природа высокой достоверности созданных им образов. Обладая игровым умением актеров немого кино, которое во многом утрачено с появлением звука, Быков одним движением бровей передает внутреннее состояние героя. Миллионам зрителей запомнились трогательные комедийно-лирические образы Леонида Быкова, беззаветно и искренне умеющие любить. Хитрово-грустный прищур лучащихся добротой глаз, неистребимый украинский акцент, искренность... Все это, помноженное на исполнительский талант, снискало Быкову преданную зрительскую любовь.

В этого несколько угловатого, но столь обаятельного паренька просто невозможно было не влюбиться. Вот признания тех, кто лично знал Леонида Федоровича. Актриса Ада Роговцева: «Это человек-идеал, человек будущего, которого тепло называли домашним именем – Ленья». Актриса Роза Макагонова: «Его любили все. Его мягкий говорок, его шуточки очаровывали, и вокруг него, где бы он ни был, всегда образовывался тесный кружок улыбающихся людей. А на съемочной площадке благодаря Ленечке возникала атмосфера легкости, творче-

ского вдохновения и взаимопонимания. Он был очень талантлив как актер и режиссер, но также талантлив и как личность – светлая, человечная и очень духовная».

С годами отношение к нему не менялось – Леонид Федорович по-прежнему пользовался огромным успехом у женщин. «Довженковские дамы находились в состоянии перманентной влюбленности, – делилась воспоминаниями редактор студии Эмилия Косничук. – Вначале всеобщим кумиром на киностудии был обладатель невероятной красоты и харизмы, эдакий мачо – Юрий Ильенко. Затем все полюбили нашего главного редактора, за которого впоследствии вышла замуж Алла Сурикова. Далее модным стал Леня Быков. Но если в двух первых случаях прекрасный пол страдал и строил планы, то по поводу Лени такие варианты не проходили.

Он был на пьедестале – никаких романов. В личной жизни закрыт, словно обратная сторона Луны. Я даже представить себе не могу, с кем бы Леня смог сходить налево. К нему все относились с обожанием. А он любые эмоции по отношению к себе мог растопить в обволакивающей нежности.

Кстати, Ленечка был очень щедрым человеком. Сам практически не пил, зато обожал угощать народ шампанским, говорить тосты, вспоминать что-то хорошее. Несмотря на невысокий рост, у него была красивая фигура – мощная, твердая, но при этом легкая и изящная. Я с ним часто танцевала на банкетах – это такое ощущение полета! От Быкова исходили сильные мужские флюиды. Не зря мы все, и я не исключение, были в нашего Ленечку влюблены».

Интересный случай из жизни вспоминает монтажер группы «Аты-баты, шли солдаты...» Александра Голдабенко: «Съемочная группа для него становилась просто семьей. Но почему мы не спасли его? Знали же, что трагедию человек носит в сердце... Тогда, в 1976 году, когда, кстати, он написал известное «Завещание», у него были сложнейшие отношения с сыном, со студией, с Госкино УССР... Но душу он никому не открывал! Переживал все в себе. Тогда еще сердце выдерживало... И мы веселились, шутили. Никогда не забуду 8 Марта 1976 года. Когда нас всех позвали в холл Загорской гостиницы, мы думали, что все будет, как всегда было у нас в экспедициях, – минутное поздравление и рабочий план на 9 марта. И потому все женщины группы вышли в шлепанцах и халатах. Но каким же было «разочарование», когда мы увидели наших мужчин в костюмах, белых рубашках и галстуках, с букетами пышной мимозы (а в окна билась такая метель, был такой снег и мороз!). Помню, как все мы полетели переодеваться, как в лихорадке искали туфли на каблуках, как водой и ладонями гладили платья, томившиеся в чемоданах, как стали вдруг все красавицами... А Леонид Федорович был сама изысканность, сама галантность. Такого душевного подъема я больше не испытывала. Хотя 8 Марта отмечаю каждый год. От таких мгновений в подсознание входит что-то такое, что становится критерием, мериллом всего, что происходит потом».

Да, чтобы сыграть что-то на экране, актер должен обладать хоть половиною качеств, которые изображает. Быков же был героем на все сто. Кристально честный, бескомпромиссный человек и художник, сердце которого ранила малейшая фальшь и лицемерие, он наделял своих экранных героев трагикомичностью и добротой, беспредельной преданностью и душевным романтизмом – качествами, которыми в полной мере обладал сам. Актер Константин Степанков: «...Большого дарования, чистой совести и щедрой принципиальной гражданственности этот художник, этот человек переполнен любовью к людям, энергией и никогда не громыхал словом «Я».

Так уж повелось, что каждая эпоха рождает своего кумира и каждое новое поколение отрицает накопленный отцами и дедами опыт. Сколько прекрасных артистов и картин ушло в небытие. Однако, если фильм по-настоящему хорош, он не забудется. Так произошло и со многими фильмами, в которых участвовал Быков.

Что и говорить, столь популярных артистов, как Быков, в советском кино немного. Его лицо выделялось запоминающейся выразительностью. Фильмы с участием артиста и сегодня живы во многом благодаря неповторимой органике его комедийного таланта, необъяснимого

захватывающего магнетизма и притягательной силе актерской энергетики. Даже героические поступки персонажи Быкова совершали без внешнего наигрыша и ложной патетики, что лишь добавляло им человеческого обаяния. Актер Лесь Сердюк: «...Во внешности Леонида не было ничего героического в расхожем понимании этого слова. Небольшого роста, шуплый, с простыми чертами лица ничем не примечательного паренька – он удивил с первой минуты знакомства беспредельным обаянием, искренностью и большим мужеством души. Из этих составных и образуется духовность Быкова».

Когда Леонида Федоровича спрашивали, как ему удастся оттенять те или иные черточки человеческого характера, он отвечал: «Я играю обыкновенных людей. Не приукрашиваю их, не стущаю красок». И действительно старался показать своих героев такими, какими они были в жизни – простыми, застенчивыми, порой немного смешными, а то и комичными, но всегда добрыми, честными и несколько упрямыми ребятами. Конечно, не все созданное Быковым равнозначно. Случалось и так, что актер присутствовал на экране, а талант его оставался за кадром. Слабый сценарный материал не давал возможности создать по-настоящему интересный характер.

Чтобы лучше раскрыть тот или иной образ, Быкову важно было понять своих героев. «Такое понимание – в основе нашей профессии, – делился он нюансами своей работы. – Сыграть хорошо – разве это не значит понять героя, проникнуть в его внутренний мир, как бы раствориться в нем? Раскрыть характер для зрителя – это, прежде всего, раскрыть его для себя. Персонаж может быть тебе чужд, враждебен – в любом случае, исполнение роли означает и познание ее». Столь зрелый подход к роли и есть первый этап проявления актерской режиссуры. В какой-то момент Леониду Быкову стало тесно в рамках только исполнительского творчества. Однако, найдя свою тему в режиссуре, он продолжает по-прежнему с удовольствием сниматься.

На экране – общительный, контактный, музыкальный, в жизни – малоприметный. Его талант словно сокрыт от посторонних глаз и вырывается наружу лишь в работе. «Рубахой-парнем с душой нараспашку его точно нельзя назвать, – вспоминала однокурсница Леонида Быкова по Харьковскому театральному институту Александра Чеша. – Солнечный, остроумный, в то же время он был весь в себе. У Лени была исключительно обаятельная улыбка, но в глазах... все равно чувствовалась какая-то грусть...»

Кинорежиссер Николай Мащенко: «...Не сговариваясь, два человека – Иван Миколайчук и Алексей Петренко – сказали о Быкове: «Леня – это хлеб». Такая потребность была в этом человеке. При этом он нес необъяснимую грусть в себе. И, может, его улыбка была определенной защитой, чтобы не спрашивали, почему он грустный. Были и такие случаи. И тогда он, как правило, отвечал: «Да это не я грустный, это глаза у меня такие, а сам я очень даже веселый...» Но не все в эту его «веселость» верили. Просто все уже тогда осознавали его комедийное актерское и человеческое величие. Это мне напомнило анекдот: в одной веселой компании оказался невероятно грустный человек, которого ничто не могло развеселить. Тогда ему приятели говорят: «Ты пойді в цирк. Там есть такой невероятно смешной клоун, он и мертвого рассмешит!» А он им в ответ: «Так этот клоун я...» И Леня был вот из этого разряда».

Все, знавшие Быкова, выделяли это свойство его души – затаенную грусть. Да, было в нем что-то от грустного клоуна. Вот и Владимир Соссюра, многие годы друживший с Быковым, сравнивает его с Леонидом Енгибаровым, проводя аналогии и их судеб: «В начале 60-х в Киеве с неслыханным успехом проходили гастролі армянского цирка. Я познакомился с малоизвестным тогда клоуном Леонидом Енгибаровым. Своими бессловесными репризами на арене он держал зрительный зал в бешеном напряжении, вызывая не только взрывы искреннего смеха, но и сочувствие к своему герою – извечной жертве жизненных обстоятельств и человеческой жестокости. И Енгибаров, и Быков хотя и веселили публику, но, вместе с тем, пробуждали в

каждом человеке высокие чувства милосердия, сопереживания. И это объединило артистов. И трагическая судьба: Енгибарова не стало в 37, Быкова – в 50...»

С ним полностью была солидарна и Клара Степановна Лучко: «Быков обладал редким даром комедийного актера. Но во всех его ролях просматривался второй план – какая-то тоска, внутренняя трагедия. Зрители понимали, что не все так просто у героя фильма, и потому ему сочувствовали».

Очень точную, на мой взгляд, характеристику дала Леониду Федоровичу в нашей беседе по поводу 70-летия актера Любовь Сергеевна Соколова: «Человеком Ленечка был очень общительным, веселым, озорным, талантливым, светлым, открытым. Умел нести радость, весь словно сиял добротой – улыбка не сходила с лица. Мягкий, чудесный актер. Был балагуром, любил рассказывать шутки (сейчас уже не помню какие). Актеры и все съемочное окружение его очень любили. Он был намного моложе меня. Мы просто снимались вместе. Для меня он был и другом, и сыном – очень общительным. С ним легко было играть. А потом уже я видела его картины. И словно вновь была с ним рядом...»

Актер Владимир Конкин до сих пор помнит восторги своего детства, связанные с кино: «Леонид Быков – по сути, целая эпоха. Он был кумиром моего детства. Помню, в Саратове, недалеко от нашего дома находился летний кинотеатр с высоким деревянным забором. Верхние концы досок заструганы как пики. Но даже такая предупредительная мера не могла служить для нас мальчишек препятствием, если на афише была указана фамилия Быкова. Сколько штанов было порвано на этом заборе!

– Видел же ты эту картину три раза. Три раза я тебе деньги на билет давала! Так в четвертый раз ты на забор полез. Мне что, швеей на дому работать, одежду твою латать? – говорила раздраженно мама. И не знали тогда ни она, ни я, да и вообще никто не догадывался, что пройдет десять лет, я стану актером, и судьба приведет меня на Киностудию имени А. П. Довженко, где познакомит, подружит общим делом с любимым моим артистом Леонидом Федоровичем Быковым».

Словно подытоживая рассказ артиста, газета «Культура» 12 апреля 2002 года писала: «На международном кинофестивале 1995 года с берегов Москвы-реки на воздушных шарах улетели в космос портреты 100 самых знаменитых кинематографистов XX века, среди них был и портрет Леонида Быкова. Своей жизнью и творчеством, самоотдачей повывисив нашу энергетику, он улетел в бессмертие, сгорев на Земле. И хочется с неба услышать его любимую народную песню «Ой, у лузі, та ще й при березі!», которую он слышал от своей тети Мани в детстве и которую так самозабвенно поет в «Стариках» командир эскадрильи Титаренко...»

Пройдут годы... В сквере у Большого театра 9 мая уже не будут собираться ветераны... Но хочется верить, что по-прежнему в этот день телевидение будет демонстрировать быковский фильм «В бой идут одни «старики» и на всю страну снова прозвучит «Смуглянка».

А значит, будет жива и память о нашей великой Победе.

«Не расплескать бы душу!...»

Искусство – это не жизнь, это то, что могло бы быть жизнью.
Леонид Быков

Сказав это, Леонид Федорович был абсолютно прав. Если художник отдает себя всего, без остатка, служению искусству: десять лет на сцене Харьковского театра, девять лет работы на киностудии «Ленфильм», десять лет работы в Киеве, он имеет право на подобное изречение. За 9 лет работы на Киевской киностудии Быкову было позволено снять только три фильма, но успел он сделать только два. Да, безумно мало, но зато – какие фильмы! К пятидесяти годам Леонид Быков сыграл двадцать две роли и перенес три инфаркта. Он не боролся за награды, не гнался за славой... Эти и другие положительные качества сильно усложняли его жизнь. Такова цена правды...

Признание ко многому обязывает. Быкову было что сказать зрителям – и языком комедии, и языком героической драмы, к которой режиссер и актер Быков все более тяготел. Путь Быкова-кинематографиста был нелегок и пролегал от эксцентрической комедии к лирико-драматическим ролям, от героической драмы, в которой комедийный характер актера обогащался все новыми красками, – к сатирическим обвинениям. Неизвестно, каким бы предстал перед нами Быков в «Пришельце», если бы работа была завершена.

Как жаль, что яркая творческая жизнь столь самобытного художника и опытного мастера, нашедшего свою тему в искусстве – в исследовании народно-героического характера в драматические, переломные моменты отечественной истории, оборвалась на самом взлете самовыражения, творческой карьеры искреннего и честного художника, зрелого мастера, человека редкой душевной красоты. И какое все-таки счастье, что, в отличие от театральных актеров, чье искусство уходит вместе с ними, от киноартиста остается пленка, один кадр которой может сказать больше, чем сотня чьих-то устных свидетельств.

Если попробовать спроецировать его судьбу на время, в котором мы живем, что бы делал Быков, был бы он востребован, как актер, как режиссер? Вряд ли бы он нашел свое место в сегодняшнем дне. Ведь у поколения, к которому он принадлежал, была совсем другая, единая группа крови. Чтобы приспособиться к нынешнему дню, нужен совсем иной талант, которым Быков не обладал. Вот тот же Андрей Миронов вполне мог бы стать сегодня первым сериальным артистом. Таков характер его таланта – спокойно перейти с одной стороны улицы на другую. Быкова же просто невозможно представить в контексте сегодняшней жизни. Именно этим, в первую очередь, он нам всем так дорог.

Не вина Леонида Быкова, если художнику с радостным, оптимистическим взглядом на мир, в жизни приходится примерить на себя одежды трагической фигуры. А он и не смог бы по-другому, поскольку размышлял о происходящем вокруг с повышенной эмоциональностью и болью. Не похожий на своих комедийных персонажей, остро чувствующий несправедливость, бесконечно ранимый и одновременно, по-своему, очень сильный, мало кому раскрывающий свои мысли и чувства... «Закрытость» – маска, которую он иногда был вынужден на себя надевать, помогала ему выживать.

Несмотря на всенародную любовь, Быков на протяжении всего творческого пути испытывал колоссальные трудности: его сценарии подвергались жесточайшей критике, фильмы – цензуре, а со стороны коллег была не только дружеская поддержка и участие, но еще и зависть, неприятие, торжество посредственностей над сильным, независимым талантом. Однако время расставляет все по своим местам. Книжки, картины, фильмы живут абсолютно самостоятельной, не зависящей от их создателей жизнью. С момента смерти их автора они утрачивают с ним прямую связь и начинают развиваться во времени, меняясь с каждым новым поколением чита-

телей и зрителей. И здесь немаловажно, что представлял из себя автор, создавший для нас свое произведение. Чему он нас учит...

Евгений Матвеев вспоминал, как, готовясь к собственному режиссерскому дебюту – картине «Цыган», он обратился за советом к Быкову и услышал: «Главное – за монтажом, ракурсом и панорамой не расплескать бы душу!.. Ты только не смейся... Мне кажется, душа нашего народа чуть-чуть улыбается... Даже когда болит – улыбается». И правда, в его картинах «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты...» душа солдата чуть-чуть улыбалась вслед за душой самого Быкова.

Талант, мастерство, оригинальность и чувство ответственности, равнодушие художника и правильное ощущение времени, в котором он живет, – необходимые составляющие творчества. Повенчанные личностью художника, они определяют значимость и глубину его произведений, характер и мощь. Все это в полной мере относится и к быковским работам и особенно ярко ощущается в двух его последних режиссерско-актерских картинах.

В народе про таких, особо стойких бойцов, говорят: «Этот человек прошел огонь, воду и медные трубы». Мол, ему ничего не страшно, он все преодолел и сумел не потерять себя. Бывает, человек с честью пройдет все испытания и трудности – «огонь и воду», закаляющие его характер и волю, а перед «медными трубами» – фанфарами славы и успеха спасует, ведь последнее испытание самое коварное и трудное. Не каждому суждено устоять перед сверкающим сиянием Славы. И далеко не всем, достойно прошедшим «огонь и воду», удастся вырваться из объятий «медных труб». Немало людских судеб искалечила «госпожа Удача». В кино подобных горьких примеров немало.

Даже стоя на пьедестале Победы, человек порой не до конца отдает себе отчет в неустойчивости своего положения. Порой прозрение наступает слишком поздно. Когда сладкий туман побед рассеивается и триумфатор остается один на один с собственным «я»...

Главная опасность «медных труб» – поверить в свою исключительность, – считал постановщик фильмов «Сорок первый», «Баллада о солдате» и «Чистое небо» режиссер Григорий Чухрай. «Одним из важнейших для творчества качеств художника является, на мой взгляд, умение прислушиваться к законам искусства, – делится он мыслями по этому поводу на страницах книги «Мое кино». – Даже не понимать, а чувствовать их. Художник, уверовавший в свою исключительность, решает, что все зависит от него самого, и начинает навязывать искусству свои собственные законы. В этом причина многих бед». Вот, скажем, во времена Древнего Рима победителя встречали триумфом, но сзади на колеснице стоял раб, который через определенный промежуток времени напоминал триумфатору, что он не бог, а простой смертный, для того, чтобы тот не терял чувства реальности. И это имело успех.

К такому человеку, как Леонид Быков, в полной мере применимы слова шекспировского Гамлета: «Он Человек был в полном смысле слова». Леонид Быков был художником, тонко чувствующим свое время. Всматриваясь и вслушиваясь в окружающую жизнь, он старался постичь ее суть, понять ее законы, чтобы использовать это в своем творчестве. Тот же Григорий Чухрай, чтоб не терять связи с реальностью и не зазнаваться после триумфа своих картин, взял себе за правило по окончании работы над фильмом писать бескомпромиссную авторецензию. И в этом не было ни самобичевания, ни мазохизма, а одно только желание дольше сохраниться художником и не повторять ранее допущенных ошибок.

Леонид Быков с честью прошел испытания, отмеренные ему судьбой, остался чистым душой и сердцем, скромным и застенчивым человеком. Нигде, никогда, ни единого раза не использовал Быков своей огромной популярности. Друг артиста, соавтор сценария «Старики» киносценарист Евгений Оноприенко вспоминал случай, когда их пригласили на встречу с работниками книжной торговли. Открывалась возможность приобрести дефицитные издания, о чем им тут же и упомянули, чтобы уговорить приехать. Так вот если б не эти обещания, Быков бы, возможно, и поехал. А так – отказался наотрез. И затем где-то у кого-то выпраши-

вал на день-два почитать книжные новинки. Ада Роговцева вспоминает: «Как-то он сказал мне с грустью: «Вот, за границу не пускают. Говорят, сердце слабое, опасно». Ясно, что это была отговорка. А он верил. Его добротой злоупотребляли, обманывали. Перед ним часто стояли задачи, которые невозможно было решить. Как будто Господь проверял его...»

Леонид Быков обладал еще одним важным для режиссера качеством – не лгать своим зрителям, разговаривать с ними доверительно и честно, не как строгий назидательный учитель, а добрый советчик, говорящий правду о жизни. Ведь бывает и так, что люди, живя в обстановке заедающего быта, перестают отличать честность от подлости, замечать окружающую красоту. Искусство очищает жизнь, украшает, возвышая правду искусства над правдой жизни. Как художник, требовательный к себе, Леонид Федорович бережно относился и к мнению людей, для которых работал, стараясь без искажения донести до зрителей истинное положение вещей.

Евгений Оноприенко: «Жизнь не баловала Быкова. Знал он и несытость, и бесквартирие, и безденежье, знал все беды простого краматорского люда. Но он многократно усложнял себе жизнь такими максималистскими требованиями к себе – во всем буквально! – что выдержать такое мог, вероятно, он один. Очень он любил – какой-то тайно гордой любовью – нашу с ним общую родину – Донбасс, превосходно знал шахтеров, металлургов, показывал такие типажи и обряды, так говорил о своем Краматорске, что мы за головы хватались: Леня, это же кинокартина, да какая! Делай ее! Но он не спешил, все искал, все ждал, копил в душе...»

Вот что говорил о Быкове режиссер Алексей Симонов в статье «О тех, кого помню и люблю. Счастливчик» в апрельском журнале «Искусство кино» за 1987 год: «Актер, если он настоящий актер, а уж кто же был настоящим, если не Леонид Быков, вкладывает в роль всю душу. Но, ни одна роль, даже Гамлет, не в состоянии вместить всей актерской души. И если роли, идущие одна за другой, вмещают в себя практически одну и ту же часть души актера – это превращается в амплуа. Бывает, что другие части этой актерской души отмирают или впадают в глубокую спячку, и актер замыкается в своем амплуа. Оно становится формой его существования. У Быкова часть души, не вместившая в его роли конца 50-х – начала 60-х годов, не просто болела, свербела, мешала жить – она бунтовала. Этот тихий удачник ел себя поедом за каждое повторение.

Наверное, он был эгоистом, но удача средней, по его внутренней оценке, картины, в которой он снимался, не приносила ему ничего, кроме разочарования. Зависимость актерской судьбы от чужой воли, чужого вкуса и пристрастий, которую большинство актеров считает неизбежным злом, оборотной стороной профессии, он не принимал, он бунтовал, и многим этот бунт на самой вершине успеха и известности казался таким «с жиру бесенством», в том числе и тем, от кого зависела его дальнейшая судьба.

Все мы зрители. Профессионалы, дилетанты, любители. По членскому билету в Дом кино, за кровный полтинник или по должностной необходимости в кресле маленького зала. И у всех у нас свои пристрастия. И пристрастия эти консервативны по преимуществу. Не случайно новое кино – хочешь, не хочешь – выдвигает нового актера. Старому бы этого не простили, не приняли. И поскольку зрителем каждый из нас ощущает себя в отдельности, мы слабо представляем себе, каким прокрустовым ложем для артиста является иногда наша совместная неизменная любовь к его уже сыгранным ролям...

Порой артист получает возмущенное письмо зрителя, в котором тот обвиняет его в том, что он изменил себе, сыграв что-то на себя, прошлого, непохожее, совершенно испортив впечатление о себе. И даже не подозревает, что тем самым, возможно вгоняет гвоздь в его, артиста, гроб. Один известный артист рассказывал, как один из руководителей кино просто перестал с ним здороваться и даже замечать его после того, как он вслед за несколькими положительными ролями не менее удачно сыграл роль подлеца. Эти наши «прокрустовы объятия» загубили не одну актерскую попытку вырваться из плена амплуа и действительно во всем объеме использовать свое дарование. Нами покалеченным – нет им числа. Давайте это помнить.

Быков себя покалечить не дал. Это обошлось ему в десять лет простоя».

Как требовательный художник, Леонид Федорович ревниво и тщательно знакомился со сценариями, многие отвергал и потому часто находился в досадных и длительных «простоях». Ему не раз предлагали поехать на одну постановку на тот же «Мосфильм» – чиновникам от кино казалось, что это неплохой выход из создавшейся ситуации – есть работа и не надо никуда переезжать. Быкова обижал такой подход: «Я хочу снимать хорошие фильмы на своей студии, а не в примаках». Неоднократно приглашали Леонида Федоровича и преподавать актерское мастерство, но он как мог отказывался, объясняя это тем, что еще не достиг подходящего для педагога мастерства и не имеет морального права учить молодежь – настолько требовательным был к себе.

Владимир Конкин однажды признался, что получил три человеческих и творческих урока, которые наиболее повлияли на него в жизни. Первый урок преподавал Николай Машенко во время работы над экранизацией «Как закалялась сталь», второй – Леонид Быков, когда создавались «Аты-баты, шли солдаты...», третий – Владимир Высоцкий на съемках телефильма «Место встречи изменить нельзя».

«Знаете, это как два коня в упряжке, – рассказывал артист, – один: давай! давай! скорее! еще нажми! – другой: не могу... погоди... дай передохнуть... Я не выдерживал задаваемого ими темпа, какого-то совершенно бешеного напряжения. Казалось, они никогда не устают, всегда в форме, в рабочем состоянии. Нельзя было представить, что у этих людей может что-либо болеть или, скажем, быть хотя бы насморк... Так же, как не могу вообразить их вялыми, расслабленными, заторможенными. И дело тут не столько в природном темпераменте, как мне кажется, сколько в особом свойстве души. У Быкова, когда он снимал эпизод, где его герой танцует, очень болело сердце. Но он выдавал свой коронный номер несколько дублей подряд с такой легкостью и озорством, что никто не догадывался о его физическом состоянии. Я узнал случайно. Он не пощадил себя, не поберег, хотя вполне мог отменить съемку. Общее свойство, которое, по-моему, объединяет столь разных художников, – способность к полной, до конца идущей самоотдаче. Индивидуальное свойство Леонида Федоровича – исключительная доброта... «Все слабости человека прощаю я актеру, и ни одной слабости актера не прощаю человеку» (Гете). У Быкова не было не только слабостей актера, но и слабостей человека. Возможен ли такой уникальный случай? А впрочем, так ли уж важно знать, где кончается житейская правда и начинается легенда, которую человек и сам творил, и творили за него...»

Однажды на студии был снят необычный фильм – поэтический, оригинальный и довольно непривычный, мнения кинематографистов по поводу него разделились. Зритель своим рублем проголосовал против – не пошел смотреть картину. Леонид Федорович отзывался о ней так: «Советское кино может позволить себе роскошь иметь и такой фильм. Иначе – как развивать и обогащать киноязык?» При этом говорил он всегда так тихо, словно затаенно, еле слышно, что приходилось прислушиваться даже находившемуся с ним рядом человеку. Его отличала интеллигентность – в высшем понимании этого слова, единственно правильном. Это было не наносное, внешнее, заметное всем одеяние интеллигентности, а то внутреннее, органичное, что издревле было присуще людям деликатным, обладающим развитым чувством такта. Это была интеллигентность не как форма поведения, а как способ существования. Оживленным и радостным Быков бывал только в работе. Да еще на рыбалке, в особенности в удачные дни, когда клевало, как говорится, и на червяка, и на «мастырку». В работе был всегда подвижным, веселым, настойчивым и очень занятым.

На студии знали, что исполнителей в свои фильмы Быков подбирает без проб, зная, какая это огромная травма для отвергнутого актера. У режиссера-Быкова не было уничижительного: «Тот подходит, этот не подходит». Единственный, за кого он стоял горой, был Алексей Смирнов. Леонид Федорович настоял, чтобы в роли механика эскадрильи снимался именно он. Быков очень любил этого артиста, относился к нему как к отцу.

Стиль работы Быкова на съемочной площадке, по признанию тех, кому довелось с ним работать, разительно отличался от того, что порой наблюдать в других группах. Здесь не слышно было ни крика, ни выговоров, ни дрызг. Со всеми членами группы режиссер был вежлив, ни с кем не фамильярничал, но и другим не позволял. На съемочной площадке царила хорошая рабочая атмосфера. Простота Быкова не была той простотой, про которую в народе говорят, что она хуже воровства. То была полная достоинства простота хорошо воспитанного, содержательного и доброго человека, чуждого всякой позы и неестественности. Быков всегда оставался самим собой. Его деликатность свидетельствовала об уважении к людям и к себе самому. Неспроста руководство студии поучало молодых специалистов: «Если хотите узнать, каким должен быть режиссер, – идите на площадку к Быкову». Леонид Федорович никогда не позволял себе сделать во всеуслышание замечание актеру, как это делалось, да и теперь еще нередко делается в иных группах. Подойдет, бывало, к актеру и о чем-то поговорит с ним вполголоса, потом вернется к камере и объявит съемку. Смотришь, исполнитель и заиграл совсем по-другому.

Иногда, чтобы снять напряжение на площадке, Быков рассказывал какую-нибудь забавную историю. И тут же все вставало на свои места – актеры начинали репетировать с новыми силами только что неудавшуюся сцену. И эпизод получался. Быков знал, что иногда одна к месту сказанная фраза может поставить все на свои места. Считал подобные передышки очень важными в работе, поскольку они помогали актерам вернуть нужную рабочую атмосферу – вновь обрести свежесть ощущения ситуации, снять механическое воспроизведение заученного текста, восстановить остроту восприятия роли.

В этом Леонид Федорович был солидарен с режиссером-классиком Михаилом Ильичом Роммом, считавшим, что работа с актерами – процесс интимный и требует особого душевного контакта. Неверно, что актер в театре общается только со своими партнерами, не менее важно его соприкосновение со зрительным залом. Быков, имеющий опыт театрального актера, осознавал всю значимость подобного контакта. В кинематографе зал заменяет один-единственный человек – режиссер. Как же играть, если он груб, не уважает, не любит актера? Даже в самых трудных, конфликтных ситуациях, которых порой не избежать на съемочной площадке, Быкову удавалось найти понимание. Он искренне уважал мнение коллег и никогда бы не смог кого-то обидеть или оскорбить. И при этом обладал невероятной твердостью и бескомпромиссностью – качествами, так необходимыми режиссеру. Актер Константин Степанков: «Чем дальше от тех дней, тем сильнее ощущается, как нужен был бы сейчас Леня и ему подобные. От него никто не слышал не то что бранного, а даже громкого сердитого слова. Даже когда срывались съемки... Это был человек чистой совести».

Иван Гаврилюк: «Я снимался у Леонида Федоровича в фильме «Аты-баты, шли солдаты...». И скажу одно – это были прекрасные, светлые дни общей работы. Он понимал артистов, ибо сам был артистом. И как же он их любил! Сколько новых имен для кино открыл именно Быков! Леонид Федорович умел каждому актеру по-своему, в зависимости от его индивидуальности, доказать, что тот хороший и незаменимый исполнитель, заставить его поверить в себя.

Леонид Быков был сильным – и в образном, и в буквальном понимании этого слова. А сильным редко помогают, редко поддерживают, редко берегут, потому что кажется людям – сильный сам все преодолеет, все препятствия сметет. А это далеко не так. Еще он был слишком доверчивым и добрым. Как сказал когда-то Иван Миколайчук: «Леня – это хлеб...» А что может быть выше и святее хлеба? Без хлеба выжить тяжело».

Актер Дмитрий Миргородский: «Трудно смириться с нелепым, внезапным уходом с земли дорогого тебе человека. И тем более чем щедрее талант, чем бескорыстнее его душа. Именно таким, необыкновенно щедрым, удивительно благородным человеком был и остается в моей памяти Леонид Быков. Одержимый добрыми идеями и прекрасный в работе человек.

Мне достаточно было утром (и когда я был в скверном настроении, и в скверную погоду) встретить его, чтобы день мой стал светлым и плодотворным. Он умел снимать боль...

Он умел открыть актера. Умел открыть в известных уже актерах новые грани таланта. Я любил его открытия. Мне жаль его несыгранные роли. Я ценил его отвращение к бездуховности и равнодушию. В нем кипела замечательная страсть деятельности. Рядом с ним невозможно было не работать. Его фантазии, буквально безоглядно, доверялась вся съемочная группа. Ах, какой это был праздник – общение с ним...

Действительно, все знали насколько интересным собеседником и превосходным рассказчиком он был. Природа щедро наградила Леонида Федоровича ясным умом и неистощимым юмором. Задушевный тембр и мелодика голоса, сама манера говорить придавали его речи необычайную конкретность и особый, присущий только ему колорит. Среди режиссеров немало прекрасных рассказчиков. И все же Быков выделялся разнообразием самых разных, чаще веселых, точно подмеченных им в жизни историй, в которых напрочь отсутствовали свойственные многим представителям актерско-режиссерской братии такие составляющие, как злость, зависть, зубоскальство и пошлость. Смеяться так, как это делал Быков, могут только очень добрые и талантливые люди. Не считал он зазорным пошутить и над собой, от чего еще больше вырастал в глазах собеседников.

Евгений Оноприенко: «Поразительна скромность этого человека. А ведь Быков и в период своей актерской деятельности, и особенно в последние годы, когда стал режиссером, был чрезвычайно популярен. Это была не блестящая сенсационная слава кинозвезды; это была не показная, какая-то глубинная любовь народа к своему народному артисту. Друзья много раз были свидетелями не только этой любви, но и того, как избегал популярности Быков, как не любил шума, суеты, аплодисментов. Нелегко было заполучить у Леонида Федоровича хотя бы интервью: о статье уже и не заикались. Быков четко и ясно заявлял, что он не вправе писать статьи, ибо считает, что это для него – рано.

...Я помню, как в Баку, на Всесоюзном кинофестивале, где фильм «В бой идут одни «старики» получил первый приз, шла настоящая охота, осада Быкова тележурналистами. Они чуть не плакали: начальство требовало у них интервью с режиссером, требовало снять его рассказ о кино, о фильме, а Быков категорически отказывался от встречи. В отчаянии они бросались ко мне, и я пытался уговорить Быкова, пуская в ход, в общем-то, прием запрещенный: что, мол, это ребята-трудяги, что им ни за что ни про что грозят серьезные неприятности из-за его отказа – я знал его обостренное чувство справедливости. Но он легко обнаружил мою хитрость и остался неумолим. Пожалуй, впервые за историю таких фестивалей так и не состоялось интервью с лауреатом.

И теперь, вспоминая те дни, я вдруг обнаруживаю совпадение. Точно так же вел себя в Баку и Василий Шукшин, которого едва разыскали и доставили в город в последний день для вручения приза. Быков не был знаком с Шукшиным. Я все хотел познакомить их и просил об этом Лиду Федосееву-Шукшину. Но Леня в последний момент заробел, застеснялся. Да, так было, не выдумываю ни крохи.

Еще помню торжественный зал, красные коробочки с орденами. Он все норовил спрятаться подальше, за спины. А когда вышел из здания Верховного Совета и по традиции все встали для групповой фотографии, опять его едва нашли, заставили надеть новенький орден Октябрьской революции. Но он исчез сразу после съемки, на банкете его не было. Позже случайно я узнал, что у него есть и другой орден – «Знак Почета».

Как часто бывает, что некоторые кинорежиссеры берутся за любые работы, за случайно подвернувшиеся сценарии, ремесленно интерпретируют чужие замыслы, лишь бы снять фильм. Быков так не мог. Еще не был написан сценарий, а Леонид Федорович уже явственно видел фильм, его героев. Когда на встречах со зрителями он рассказывал эпизоды своей буду-

щей картины «В бой идут одни «старики», создавалось впечатление, что лента уже снята, настолько режиссер сжился с ее образами.

Несколько вещей были святы для этого человека. И одна из них – Отечественная война и ее люди. Он сам не успел повоевать и относился к воевавшим людям благоговейно. Но и эту любовь он проявлял на свой лад – молча и незаметно. Как-то на встрече или премьере ему вручили огромную, великолепную корзину с цветами. И против своего обыкновения, он ее взял. А на завтра рано, очень рано утром, вместе с дочерью отвез эти цветы на Могилу неизвестного солдата».

Можно не сомневаться, что, если бы Быков успел попасть на войну, он стал бы честным и храбрым воином, таким, как были его герои. Однажды на показе картины «В бой идут одни «старики» в Военно-воздушной академии им. Гагарина седой генерал с золотыми звездами на кителе, глаза которого были подозрительно красны после просмотра, встал и сказал: «Я бы тут же зачислил Быкова-Титаренко в свою часть и дал бы ему эскадрилью». То было истинное признание солдата и человека.

Леонид Быков в полной мере познал счастье народной любви. Сколько было встреч с летчиками и моряками, шоферами и студентами, строителями и служащими... Ему довелось объездить всю нашу некогда огромную страну – побывать в Сибири и на Камчатке, в Заполярье и на юге... И всюду его с нетерпением ждали. Леонида Быкова не просто любили, его обожали, боготворили. И для всех он был своим, близким человеком.

Рассказывая о своем творческом пути, Быков всегда говорил просто, но очень сочно и красочно, сопровождая рассказ яркими примерами. И говорил больше не о себе, а о своих коллегах – артистах кино и их нелегком труде, формулируя основную тему своего творчества так: «Мои герои – самые обыкновенные рядовые люди, такие, как все. Обычны они сами, и труд их скромен. Но присмотритесь к ним получше. Так ли они обыкновенны на самом деле? Попробуйте постичь в их обыкновенности, неяркости, необыкновенность и глубокую значимость их каждодневных поступков, любви их к жизни».

Леонид Быков преклонялся перед людьми труда, мастерами своего дела – летчиками, артистами, слесарями, моряками... и никогда этого не скрывал. Он ценил людей настоящих, честно и преданно выполняющих порученную им работу. Очень дорожил их признанием. Даже скупое, но заслуженное, от всего сердца высказанное одобрение его фильма такими асами, как Покрышкин, было ему во стократ дороже самых жарких, но неискренних, натянутых похвал коллег.

Любимым его одобряющим определением человека было краткое и очень точное, придуманное им словосочетание – «глубокий парень». Быков хорошо чувствовал людей. Не было случая, чтобы он ошибся в характеристике того или иного человека. Глубоким по его определению был Василий Шукшин. Глубоким был Георгий Бурков, с которым он познакомился у Сергея Федоровича Бондарчука на пробах картины «Они сражались за Родину». Надо сказать, что жизнь не баловала Леонида Федоровича на счастливые встречи, и «неглубоких» людей на его пути встречалось куда больше.

Возможно, феномен Быкова – в сути его таланта, в его Человечности, Интеллигентности, в четко сформулированной им в искусстве собственной теме. Это подтверждает и Евгений Оноприенко: «Как он мучился, ища тему, сценарий, сколько порассказал долгими вечерами, когда шли по нашему привычному маршруту – вокруг Русановки. Смело утверждаю – то, что Быков отбрасывал, четыре пятых наших режиссеров могли бы считать за счастье получить в руки. А ему было мало. Ибо обладал поразительным, абсолютным чувством жизненной правды. И поразительным, абсолютным вкусом. Видимо, это и есть талант.

Не надо думать, что Быков был ходячая добродетель, свод праведных истин и правил. Он был живой, увлекающийся и азартный человек. С ним бывало и нелегко. Особенно близким

людям. Но он не был мстительным – никогда! Он был выше мести. И в этом было и величие, и подлинная, врожденная, истинная интеллигентность настоящего человека».

С Оноприенко солидарна и киноисторик Лилия Маматова, написавшая о Быкове в книге «Многонациональное советское киноискусство» следующее: «Доверчивая искренность лица проступила сквозь легкий, счастливый быковский дар веселить людей. Да и сам его юмор, по-детски непосредственный и по-детски же простодушный, говорил о душевном здоровье, о доброте и светлости натуры. Ничего не было в его актерской манере от едкой или задней мысли, от скепсиса или иронии – все наивно, все с абсолютным доверием. К себе и миру, к зрителю и своему искусству. Как у трагика, а не у комика. Или как у Иванушки-дурачка в русских сказках, который побеждает не потому, что хитер, а потому, что прост и чист сердцем.

Это был тип личности, формировавшийся в 50-е годы, народный характер, целиком принадлежавший своему историческому времени, с его сильными и слабыми сторонами. Таким быковского героя приняли и полюбили зрители, таким могли любить еще долго. Но в двух своих лучших режиссерских работах: «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты...», где Быков участвовал и как актер, интонация его любимого героя чуть-чуть изменилась: балагурит он все с более серьезным лицом, а все более серьезные вещи говорит как бы в шутку. Что-то умное, деликатное, мягко интеллигентное появилось в его манере. «Век наивности», столкнувшись со страшной реальностью войны, хочет любой ценой уберечь от гибели свои хрупкие идеалы – идеалы добра и человечности, красоты и любви. Но инстинктивная неприязнь к патетике, боязнь фальши заставляют автора улыбаться даже в такие моменты, когда кажется, что улыбнуться сейчас грешно. Это не от легкомыслия, а от строгости, от стыдливости и целомудрия сердца. И еще это инстинктивное средство самозащиты – не примирения с действительностью, с которой примириться нельзя, нет: это способ перенести страдание, спасти в немыслимых для человека условиях душевное здоровье. Так, улыбаясь, хотя и с примесью горечи, народ вместе со своими Василиями Теркиными лечил душу в жестокий час беды.

Говорят, что по уровню юмора можно судить об уровне интеллигентности человека. В этом смысле небезынтересно, что в ленте «Аты-баты, шли солдаты...» все явные признаки интеллигентности отданы герою Владимира Конкина, свежее испеченному младшему лейтенанту с тонким, наивно-серьезным лицом хорошо воспитанного человека, безусловно знающего свой воинский долг. Но пока это только внешние знаки, потому что по-настоящему, глубинно интеллигентен как раз простоватый, якобы вечно несерьезный ефрейтор Святкин в исполнении Леонида Быкова. Именно он облегчает своему юному командиру страшную «игру о жизни и смерти», беря на себя с улыбкой самые опасные роли».

Подобно многим артистам, Быков обладал и чертами актерской индивидуальности, которые невозможно полностью скрыть никаким гримом, никаким перевоплощением. И все же он никогда не старался остаться самим собой, подменяя собственной индивидуальностью образ очередного экранного героя, как бы ни было трудно перешагнуть через специфичность своего актерского облика. Острая характерность его таланта и актерской судьбы в кино порой мешала. Однако, к чести исполнителя он, как мог, боролся с этим, пытаясь уйти от штампа, от общепринятых рамок амплуа.

Несмотря на то что Леонид Быков – актер комедийного дарования, творческий диапазон его гораздо шире, многограннее. И все же именно комедийными ролями в первую очередь он снискал себе признание и успех. Природа комического сложна и неоднозначна. Обаяние Леонида Быкова в немалой степени зависит от присущей ему особой манеры игры. Под смехом Быкова всегда подразумевается что-то серьезное, ему присущи собственное понимание комического, острота взгляда на вещи. Актерский талант Быкова сродни таланту звезды 30-х Петру Мартыновичу Алейникову – он так же специфичен и неповторим. И пусть герои Леонида Быкова портретно легко узнаваемы – вряд ли найдет зритель, не узнавший ирониче-

ского прищура его глаз, носа «уточкой»... Внутреннее содержание каждого образа, созданного Быковым-актером, неповторимо.

Человеческое участие, сопереживание, душевная щедрость – черты подлинного художника. Талант всегда щедр и не боится раздаривать себя. С точки зрения привычных мерок, Быков, возможно, и не был красив, но какое это имело значение для тех, кто был очарован удивительно притягательным душевным обаянием этого веселого, отзывчивого, бесконечно доброго, с милой застенчивой улыбкой человека. Все, кто так или иначе соприкасался с ним в работе или в быту, вспоминают с благодарностью время общения, подаренное им судьбой. Друзья сняли о Леониде Быкове документальный фильм, получивший очень точное название: «...Которого любили все». Сколько лет нет Быкова, а о нем и сегодня говорят как о живом, вспоминают с любовью и тихой грустью.

Актер Алим Федоринский: «Леонид Федорович краснел, как ребенок, когда кто-то ругался в его присутствии матом (а ему было 45 лет!). Стеснялся носить галстук, надевал его в крайне редких случаях. Одевался очень скромно. Стеснялся ездить в своей машине (у друзей-то машин не было!). Стеснялся и краснел, когда его узнавали прохожие. Все переживал в себе. Но какое чувство справедливости!» «Он был очень скромным, болезненно ранимым и стеснительным человеком. В 50 лет он еще мог краснеть», – вторит ему друг Быкова, актер Владимир Талашко.

Надо сказать, что в дружбе Леонид Федорович был избирателен, не допускал панибратства, при этом оставаясь достаточно добрым и общительным человеком. В этом, возможно, и была его удивительная изюминка, человеческая и актерская индивидуальность. Суламифь Цыбульник, кинорежиссер: «Фильмы «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты...» снимал оператор Владимир Войтенко. Дружба Леонида Быкова и Владимира Войтенко была давней, еще со времен картины «Судьба Марины», которая была актерским дебютом Быкова. Этих двух людей многое роднило в творчестве и чисто по-человечески. Оба немногословны, скромны.

После фильма «Аты-баты, шли солдаты...» В. Войтенко тяжело заболел. Случилось так, что я находилась в приемной директора студии, когда туда позвонила супруга В. Войтенко и сообщила печальную весть, что только что он скончался. Первым, кого я встретила, выйдя из приемной, был Леонид Федорович, и мне пришлось сказать ему о случившемся.

– Вы пойдете сейчас на квартиру Войтенко? – спросила я Леонида Федоровича.

– Нет, – ответил он, – сейчас нельзя туда идти. По народному поверью, душа его еще не отлетела...».

Ему едва исполнилось пятьдесят... Двадцать пять лет плодотворной жизни в театре и кино были посвящены рассказу о правде жизни, о его поколении и поколении его отцов. Когда Леонида Федоровича спрашивали о творческих планах, он, как правило, говорил: «Не знаю. Где попало и что попало играть не хочу. Это в молодости еще не грех быть всеядным, а когда годы уходят, думать надо. Завоевывать авторитет у зрителей приходится десятилетиями, а потерять его можно одним-двумя плохими фильмами. Вот почему больше времени уходит на отказы от плохих сценариев и режиссерских предложений, пусть очень лестных, но чреватых опасностью потерять самое дорогое, что есть у актера, – уважение зрителей». Что-то, а уважение зрителей Быкову было не занимать, как и всенародную любовь.

Открывая в Московском Доме кино траурную церемонию прощания с народной артисткой России Лидией Николаевной Смирновой, Всеволод Николаевич Шиловский заметил, что эпитеты – «гениальная», «великая» и «грандиозная» на сегодняшний день размыты и за ними почти ничего нет. «Но сегодня мы прощаемся с действительно великой русской актрисой, народной любимицей, целой эпохой в русском кино, – признался он. – Она была человеком, который работал до последней секунды своей жизни и был современным до мозга костей». Мне кажется, что эти слова в полной мере относятся и к Леониду Федоровичу Быкову.

Я попросила Шиловского сказать несколько слов о Леониде Быкове: «У меня в кабинете висит портрет Быкова, – признался Всеволод Николаевич. – Второй такой индивидуальности нет. По-моему, он очень трагическая личность. Травили его так, как только умеют у нас, – хорошо, по-советски. Каждый фильм Быкова, кровью политый. Каждый фильм. А какой он актер! Даже если бы он успел перебраться в Москву – слышал, его звали возглавить Театр киноактера, его бы просто сожрали здесь. Хорошо, что не успел. Была бы еще одна травма. Зная все эти механизмы, уверен, что он просто не выжил бы здесь.

Его спасательным кругом была работа в ремесле, которым он владел фантастически. Один только фильм «В бой идут одни «старики» переживет нас всех. А то, что его актерские работы будут жить вечно, я глубоко убежден. Такая органика, такое богатое нутро, такое обаяние человеческое, мужское – просто на вес платины! Быков не однодневка, он – крупнейшая Личность нашего искусства, к сожалению, так рано от нас ушедшая...»

С этим трудно не согласиться.

Тайны характера. О чем умолчали звезды

Сегодня, говоря о человеке, стало модно обращаться к его гороскопу, чтобы лучше разобраться в его характере. Попробуем и мы понять, соответствует ли действительности то, что предсказали звезды Леониду Федоровичу Быкову, принадлежащему к знаку Стрельца.

Уникальное сочетание остроумия, интеллекта, целеустремленности и дипломатии, спокойный нрав, философский подход к жизни, порядочность и честность – далеко не все качества, определяющие характер Стрельца. Ими в полной мере обладал и Леонид Быков. А еще большой жизненной энергией и силой, искренностью, общительным и дружелюбным нравом. Недаром он заслужил уважение многих, знавших его. Особенно его любили представительницы прекрасного пола. В Быкове покоряла и его способность поддерживать со всеми ровные, доверительные отношения. Хороший рассказчик, душа любой компании, по молодости еще и инициатор добродушных розыгрышей, он органически не переносил мрачности и пессимизма. Говорят, о человеке многое может сказать его любимый анекдот. Вот анекдот от Быкова: «В черной-черной деревне, на черной-черной улице, в черном-черном доме сидел дед и спрашивал: «Куме, на фи́га ты палил резину?»»

Чистый сердцем, он слыл идеалистом. Не умел копить деньги впрок, жил сегодняшним днем, безоглядно веря в то, что завтра будет лучше, чем вчера. Когда водились денюжки, Быков с легкостью давал их взаймы, считая неудобным уточнять о сроке возврата, полностью полагаясь на порядочность человека. Этой его доверчивостью пользовались. Помимо того, к нему часто обращались за помощью, зная, что всегда найдут в его лице поддержку и понимание.

Говорят, на Леонида Федоровича просто невозможно было сердиться или обижаться. Быков никогда бы не смог оскорбить человека. Все знали, что если он кого-то «взгрел», то сделал это не со зла, а сугубо в производственных целях. Трудно представить Быкова, разговаривающего с кем-то на повышенных тонах. В особо эмоциональных случаях Леонид Федорович просто замолкал или переходил на сосредоточенный шепот (почти так же, как его герой, разговаривающий с разбушевавшимся начальником в столь примечательном эпизоде фильма «Зайчик»).

Воображение философа, прямолинейность бойца, редкий творческий дар и, как следствие, насыщенная событиями жизнь, доставляла своему обладателю немало хлопот. Самообладание и оптимизм помогали Быкову выстоять в самые трудные периоды. Многим казалось, что никакие невзгоды не в силах сломить этого человека, и ему не представит труда найти выход из любой, даже самой безысходной ситуации.

И все же судьба благоволила Быкову и всячески его поддерживала. Везение и удача проявлялись не только в получении актером хороших ролей и в признании публики, но и в возможности следовать собственным путем. Доброжелательность по отношению к окружающим, внешняя безмятежность, плавные жесты и выраженная певучесть размеренной речи выдавали в Быкове внутреннюю гармонию с самим собой. Возможно, это шло от семьи – от той, которая его воспитала, и не менее от той, которую он создал сам по молодости лет.

Быков слыл однолюбом, что редко случается в актерской среде. Со стороны казалось, что он вполне счастлив. Истинное положение вещей знали немногие. Что на самом деле творилось в душе у Леонида Федоровича, было сокрыто даже от самых близких друзей. Несмотря на свойственное ему чувство ответственности, нести это бремя было нелегко, ведь в душе Леонид Быков так и остался большим ребенком, не примирившимся с суровостью обывательской жизни.

И все же Быков мог быть и другим. Он становился непреклонным с людьми, злоупотребляющими его доверием или проявляющими по отношению к нему излишнюю фамильярность. Возмущало Быкова и проявление власти над собой. Ему не раз приходилось самостоятельно отстаивать собственную позицию ради правды, за которую он шел до конца. Не выносил Быков

и того, когда при нем кого-то незаслуженно обижали. Трудные годы военного детства научили его давать обидчику надлежащий отпор. Знак огня сделал его очень эмоциональным человеком. Его завораживала опасность. Гороскоп Стрельца наградил его еще одним качеством, о котором, возможно, и не подозревали близкие, – Быков любил скорость, это в конечном итоге его и сгубило...

Поначалу Быков отличался крепким здоровьем и завидным сопротивлением к болезням, что вызывало восхищение у окружающих. Напрасно близкие ставили ему в вину, что он мало думает о себе. На это у него просто не было времени. Постепенно недуги все чаще стали давать о себе знать, поскольку профессия актера редко обходится без травм. Благодаря бойцовской закалке Быков научился быстро с ними справляться.

Однако слишком часто ему приходилось встречать отпор людей, не одобряющих его стремлений. Неспособные к мечте, они старались, пока это было в их власти, в зародыше загубить любые начинания неисправимого романтика. Отстоять удавалось немного. И для этого тоже требовалось огромное мужество и самообладание. Следствием психологических боев местного значения стали невидимые миру зарубки на сердце. Оно оказалось беззащитным к подобным испытаниям.

Несмотря на внешне веселый, добродушный нрав, в Быкове все время жило и рвалось наружу неосознанное стремление к чему-то новому, недостигнутому. Он помнил, как в молодости стремился наиболее полно проявить свой талант, показать, на что он способен. Тогда его избранницу привлекли в нем этот напор и постоянство, с которым жених добивался ее руки. Девичье сердце подсказывало, что этот невзрачный на вид парень любит ее той настоящей трепетной любовью, о которой мечтает любая девушка. И не ошиблась. Ее избранник пронес свое чувство через всю жизнь. Его верность, самопожертвование вызывали искреннее восхищение друзей и давали повод врагам узреть в нем ту самую «слабинку», по которой, в случае чего, надлежало бить.

Жаль только, что дело всей его жизни – кинематограф оставляло Быкову совсем немного времени подольше побыть в домашнем кругу, насладиться тихим семейным счастьем, порадоваться успехам детей. Жена Тамара стойчески переносила все невзгоды. Труднее всего было ей, актрисе, пережить его успех – обожание поклонниц, киношные экспедиции, фестивали и вечные дороги... Она знала, что настоящей отдушиной в жизни для него были путешествия, благо артистам не приходится долго засиживаться дома – их ждут бесконечные поездки, съемки, выступления... Увлекаясь познанием окружающего мира, Быков собрал прекрасную библиотеку, которой частенько и с удовольствием пользовался. Отличаясь феноменальной памятью, актер прекрасно заучивал текст любой роли, хорошо помнил даты, имена и разные мелочи... Несмотря на это, в быту Леонид Федорович выделялся непрактичностью и забывчивостью, бывало, терял свои вещи.

В Тамаре он встретил все, что мечтал увидеть в женщине. Стараясь не ревновать, она ждала «на берегу», не задавая лишних вопросов, по возможности, не прислушиваясь к досужим сплетням. Всеми силами пыталась победить в себе излишнюю женскую подозрительность, не устраивая по пустякам скандалов, во всем поддерживала супруга, став ему надежной соратницей. Предоставляла ему полную свободу выбора и творчества. Старалась не мешать осуществлению задуманного. Ходила с ним в походы, воспитывала детей, вела хозяйство...

Они были честны друг перед другом. Жена прощала ему мимолетные романы, если такие случались, а он в благодарность за ее житейскую мудрость и долготерпение обожал ее и детей. И очень гордился своей семьей. Возможно, как любой отец, он больше был расположен к сыну и очень нежен с дочерью.

До конца своих дней Леонид Быков оставался идеалистом. Только по прошествии времени стало ясно, что быковский прицел был направлен куда выше голов своих современников. Выше, чем многие из них в силах были рассмотреть. Сквозь звезды...

Туда, где рождаются мечты...

Родом из детства

Как известно, все мы «родом из детства». Эта беззаботная пора закладывает на всю жизнь характер человека и принципы, по которым он в дальнейшем развивается как личность. Основополагающим является здесь и место рождения, и семья, в которой человек воспитывается, и пример его родителей, и люди, его окружающие, и первые друзья...

Леонид Быков – плоть от плоти земли, на которой вырос. В ней истоки его характера, его судьбы. Хотя и родился Леонид Федорович в семье потомственных рабочих в селе Знаменском Славянского района Донецкой области 12 декабря 1928 года, считал своей родиной рабочий поселок Прокатчиков на окраине Краматорска, куда семья Быковых переехала в 1929 году. Быков всегда очень гордился тем, что с Донбасса. Гордился своей фамилией, которая в этих краях не редкость. Любил простых людей, земляков, свою Прокатку. Признавался, что именно она сделала его человеком, научила любить и ценить то, что он потом любил, и ненавидеть то, что ненавидел. «Мои корни – на Прокатке», – с достоинством признавался он.

С Краматорском у Леонида Быкова связано множество самых теплых воспоминаний. Торец, Бычок, железнодорожный путь – этапы большого пути. Здесь прошло детство вихрастого паренька Ленки. Здесь просыпался он по утрам от заводского гудка, пошел в первый класс, окончил среднюю школу № 6, впервые вышел на сцену местного ДК имени Ленина. Отец, Федор Иванович – вальцовщик-металлург, видел в сыне продолжателя рабочей династии, дядька Аким прочил любимчику семьи актерскую судьбу – уж больно здорово читал Ленка на семейных вечерах юмористические рассказы Чехова. Так читал, что хохотали все, даже обычно сдержанный отец...

Старшая сестра Леонида Федоровича, Луиза Федоровна Клещ, на открытии в Краматорске быковского кинофестиваля в 1985 году рассказывала, что отличительными чертами характера ее младшего брата были жизнелюбие и увлеченность делом. Уже в четвертом классе он режиссировал для жителей своей улицы спектакль «Таня-революционерка», который готовили совместными усилиями дети и родители. Вход стоил 10 копеек. На вырученные деньги от проданных билетов артисты купили лимонад и печенье, и премьеру отмечала вся улица!

В десятилетнем возрасте Леня не только поставил сказку «По шучьему велению», но и сыграл в ней главную роль – Емелю. Видимо, тогда у него и появилась идея соединить актера и режиссера в одном лице. Увлеченность Лени делала его центром любой компании. Луиза Федоровна вспоминала, что каждый, кто с ним знакомился, сразу становился его другом или поклонником.

Земляки не забыли Леонида Быкова. В Краматорске открыт музей Леонида Федоровича, установлены памятник, мемориальная доска на его школе, именем Быкова названа улица, в его честь проводятся кинофестивали. Земляки им гордятся и вспоминают добрым словом веселую, дружную и хлебосольную семью Быковых.

Родители Леонида Федоровича были родом из села Знаменское Черкасской волости Изюмского уезда Харьковской губернии. Только отец, Федор Иванович, родился 24 декабря 1898 года, а мать, Зинаида Панкратовна, 16 июля 1907 года. Знавшие ее вспоминали сердечность и доброту этой женщины. Сама она была из многодетной семьи, воспитавшей восемь детей.

Дед Леонида Федоровича был рабочим, бабушка домохозяйкой. Взрослеть отцу Леонида Федоровича пришлось рано. Он успел окончить сельскую школу, когда в 1910 году умерла сначала его мать, а спустя пару лет и отец. Сначала сирота батрачил, потом пошел работать на завод. В своей автобиографии Федор Иванович писал: «Самостоятельным трудом жизнь начал с 1913 года. Работал на Дружковских заводах с 1913 года по 1917 год». Дальше была служба в старой армии. В Гражданскую Федор защищал Советскую власть – сначала пулеметчиком,

затем политруком. После победы Федор пошел рабочим на мелопомольный завод на станции Шидловская, а в ноябре 1923 года стал валцовщиком прокатного цеха Краматорского металлургического завода имени Куйбышева, в котором в дальнейшем и проработал много лет. В 1924 году Федор Быков вступил в партию. Став коммунистом ленинского призыва, именно он пригнал в родное Знаменское первый трактор.

Через год, 31 октября 1925 года, в загсе при Знаменском сельсовете Федор узаконил брак с Зинаидой Быковой. Невесте-однофамилице в документах даже не пришлось ничего менять. Жить молодожены пришли в просторный и теплый дом Зинаиды. Рубленый, в три окна, он был обмазан глиной и крыт железом. Этот дом сохранился и по сей день, только теперь его стены обложены кирпичом. Село переименовано и носит теперь название Черкасское. Именно здесь, в доме номер шесть, на улице Свободы, в 1927 году у Быковых родилась дочь Луиза, впоследствии ставшая педагогом, а спустя год, 12 декабря 1928 года, сын Леонид.

Установленный адрес

Местному краеведу, автору книги «Краматорская быль» Владимиру Федоровичу Коцаренко удалось узнать много интересного из истории села Знаменского. Оказывается, к 1858 году оно состояло из двух частей. В одной проживали крепостные, в другой – казенные (свободные) крестьяне. Эту часть в народе прозвали Черкасское (в ту пору украинцев величали черкассами). Говорят, основал Черкасское полковник Изюмского слободского полка Константин Захаржевский во время постройки оборонительной линии укреплений, за что в 1685 году получил от царя похвальную грамоту. Сегодня уже не представляется возможным установить – были ли Федор и Зинаида Быковы потомками крепостных или казенных крестьян. Известно только, что проживала семья на том краю Знаменки, которую в начале века местные жители величали Ганівкой.

В 29-м году семья Быковых оставляет Знаменку, чтобы поселиться в поселке городского типа Краматорский. Позже, в 1932 году, Краматорск, расположенный в северной части области на реке Казенный Торец (приток Северского Донца), благодаря строительству гиганта отечественного машиностроения Новокраматорскому машиностроительному заводу (НКМЗ) получил статус города и стал индустриальным центром Донбасса.

Владимир Федорович Коцаренко, устанавливая первый краматорский адрес семьи Быковых, в своей книге пишет: «Как-то, еще ничего не зная о годе постройки дома на «Прокатке», но уже предполагая, что Быковы поселились там отнюдь не в 1930 году (как мы знаем, это произошло в 1929 году. – *Н.Т.*), я затеял на эту тему разговор с мужем покойной Луизы Федоровны – Алексеем Семеновичем Клецом. В результате, основательно «перелопатив» домашний архив, однажды при встрече он вручил мне старую почтовую карточку, на обороте которой были письмо и адрес. Последний вмиг развеял все сомнения и подтвердил мою правоту.

«Почтовку» послала из Керчи некая Нина. Судя по всему, она из местных и в Крым отправилась в поисках работы, а может быть, и счастья. Письмо было адресовано Марии Панкратовне – старшей сестре Зинаиды Быковой. Вместе с Быковыми Мария покинула родную Знаменку и много лет подряд жила с ними в Краматорске под одной крышей. На карточке Нина написала следующий адрес: «Ст. Краматорская. На Донбас(с)е. Октябр(ь)ский поселок, №130, кв.8. Быков. (Для М.П.)». Дату она не указала. Однако сам факт, что в адресе значится «Ст. Краматорская», уже свидетельствует: незнакомка послала карточку не позднее 1932 года (в этом году Краматорской присвоили статус города). Удивляло, конечно, что в адресе отсутствовало название улицы. Но я ведь знал: карточка нашла получателя.

Описание всех перипетий, связанных с поисками дома, где пролетели детские годы Леонида Быкова, наверняка утомили бы каждого. Важен итог. Поэтому для особо нетерпеливых сообщаю точный адрес: г. Краматорск, ул. Спортивная, д.12, кв.8. Это в Старом городе, в районе сквера Металлургов, в самом сердце старой части поселка Октябрьский. Год постройки дома – 1928. До войны 1941 – 1945 гг. здесь одна только центральная улица имела название – проспект Октябрьский, и нумерация домов была привязана к ней. Вот почему в адресе на «почтовке» улица не фигурирует. Кстати, прежние номера домов сохранялись вплоть до середины 50-х гг. Изрядно поржавевшие таблички кое-где уцелели по сей день. Есть такая и на «быковском» доме. Сохранился план города, датированный 1956 годом. На нем этот дом все еще помечен двойным номером – 12/130». Позже одна из соседок вспоминала, как Федор Иванович Быков, выходя во двор, шутил: «В цьому домі самі бики та бугаї живуть», намекая на свою фамилию и соседа – Бугаева, занимавшего высокую должность на одном из предприятий города.

Надо сказать, что переезжала семья Быковых часто. Уже в 1936 году она переселилась в один из живописнейших уголков города – поселок Прокатчиков на улицу Молотова, дом

номер девять (ныне улицу Шишкина). Всего таких переездов было около девяти. И каждый раз, вслед за кормильцем, семья поднималась с насиженных мест. Федора Ивановича то направляли на учебу в Москву, то избирали председателем профкома Краматорского металлургического завода, то бросали уполномоченным по хлебозакупкам в сельские районы...

Барнаульское детство

Во время эвакуации Быковы оказались в Барнауле, где Федор Иванович сопровождал эшелоны с продовольствием. Когда в город прибывал очередной состав, сослуживцы бежали за женой, чтобы она забирала скорей своего Федора, в очередной раз грохнувшегося в голодный обморок. При такой «хлебной» должности взрослый мужчина весил всего 47 килограммов, в то время как рядом стоял полный продуктов эшелон...

Дочь Леонида Быкова Марьяна вспоминает: «Это было великое самопожертвование и самоотречение. Таким же абсолютно наивным, чистым и идейным был и его сын. Он не мог быть другим. Так же искренне и неудержимо папа рвался в Корею, где гибли корейские дети. Писал заявления, бросал институт. Его не пустили, и в Корею как-то обошлись без него, но в этом была его суть. Те же максимализм и жертвенность стопроцентно присутствовали и в характере мамы...»

Вот так и жили Быковы, жертвуя собой ради общего дела. Сын знал, что, даже страдая пороком сердца, отец в 41-м рвался на фронт защищать Родину, сильно переживая, что врачи его «забраковали».

Позже, став кинематографистом, Леонид Быков использует в творчестве некоторые факты своей биографии. Личное, в частности, проявится в фамилиях персонажей его фильма «В бой идут одни «старики». Известно, что многие его киногерои – реальные люди. Так, прототип Смуглянки – друг детства Леонида Быкова, погибший на войне летчик Виктор Щедринов (в кадре использовались его реальные фотографии). Другой персонаж картины – Николай Алябьев – мальчишка, с которым Быков подружился во время эвакуации в Барнауле, когда его семья жила на квартире у его родителей.

Конечно, Быковы, чудом вырвавшиеся из оккупированной Украины в далекую Сибирь и натерпевшиеся тягот эвакуации, были рады тому, что в Барнауле их накормили и согрели. Позже Леонид Быков любя называл этот город своей вотчиной. Здесь его семья получила наконец крохотную комнатенку в деревянном бараке, работу и школу. Барак находился в переулке Тальменском. По нему пролегла горная дорога к обскому парому. Сейчас это глухое место. Барак снесли в середине 70-х годов прошлого века. Теперь здесь заросли кленов, которые так любил будущий актер и режиссер Леонид Быков.

Спустя годы, приехав в Барнаул в 1974 году представлять картину «В бой идут одни «старики», известный актер и режиссер Леонид Быков со сцены сказал: «Дорогие мои земляки! Я набираюсь нахальства и говорю, что земляки, потому что здесь прошло три года моей жизни. Но... годы войны считаются один к трем, значит, можно считать, девять лет я здесь жил. Я очень жалею, что я не поэт, но если мне сто раз дадут возможность говорить на земле Алтайской, я сто раз скажу одно и то же: «Спасибо тебе, Барнаул, спасибо от мальчишек донбасских и от всех тех, кого вы спасали: тут были и москвичи, и ленинградцы, и харьковчане...»

Прошло тридцать с лишним лет. При слове Барнаул хочется есть. Кто из старожиллов есть в зале, тот, наверное, помнит эти годы. Как скажут Барнаул – рука тянется к хлебу. Вы отдавали и тепло, и жилье, и добро...

Нашу семью приютила семья Алябьевых. Вот сидит Алябьев. Коля, встань. Полкровати своей отдал мне. Может, теперь жалеет. Не знаю. Барнаульцы, спасибо вам за все, тридцать лет не успеваешь сказать «спасибо». Я после войны первый раз в этом городе. Завтра нам обещают дать возможность поехать на Восточный поселок, поискать: там, говорят, пара барачников еще остались, если сохранились. Ну, овраги-то сохранились там, где учились на лыжах стоять. Сказать словами «спасибо» трудно.

В этой картине, которую делали мы, есть маленькая эпизодическая роль – хороший мой товарищ играет летчика из Сибири. В благодарность я мог только отдать ему фамилию – Алябьев.

Расплатиться и сказать «спасибо» – это, наверное, мало. Я вам могу сказать, что мы, те, кто занимается искусством, будем всю жизнь помнить, чем мы обязаны друг другу. Мы будем ухаживать за могилами, тысячи и тысячи которых на Украине, туда... аж до Берлина, где в братских могилах и барнаульцы, и новосибирцы, и...

Но, наверное, наша задача, кинематографистов, постараться работать так, чтобы не краснеть перед вами, зрителями, за то, что мы делаем на экране, и за то, что мы делаем в жизни...»

В тот раз Леонид Быков воспользовался возможностью посетить и 11-ю школу, в которой учился в дни эвакуации. Здание школы на улице Кулагина (в ту пору – Полевой) сохранилось. Сегодня здесь расположены современные офисы. Неподалеку находится еще одно место, которое тоже теперь не узнать – холм, который некогда звался Пупком: с него детвора любила зимой кататься на лыжах и санках.

В школьном музее и сегодня хранится снимок, которым здесь очень дорожат. На нем Леонид Быков запечатлен вместе с одноклассниками: Владимиром Екшибаровым, Валентином и Любовью Сапуновыми, Анной Дорониной... Пусть в те годы Леня Быков не мог похвастаться примерным поведением и отличными отметками, товарищи любили его за справедливость и требовательность к себе и другим, за открытый и добрый нрав. Леня с удовольствием участвовал в самодеятельности, не помышляя пока об актерстве.

Сегодня уже трудно установить, чем занимались Луиза и Леня после окончания в первой половине войны барнаульской семилетки. Скорее всего, до 43-го года, когда Быков предпринял попытку поступить в летное, он с сестрой и матерью Зинаидой Панкратовной какое-то время трудился на станкостроительном заводе, поскольку рядом не было других предприятий.

Краматорская премьера

Одними из первых его «Стариков» увидели земляки. Позже сестра Луиза Быкова вспоминала: «Он пережил свой звездный час здесь, в Краматорске, когда в 1974 году привез своих «Стариков» на суд одноклассников, друзей по техникуму, родных, соседей и тех, для кого он был самым любимым актером – «нашим Леней». Не было среди восторженных зрителей только самого дорогого для него зрителя – нашей мамы. И второй мамы тоже. Так он называл тетю Нюсю, родную мамину сестру...

Его несли на руках. Люди что-то говорили, смеялись, восторгались. А Анна Тимофеевна Карпач – мать Виктора Щедронова, нашего соседа и ближайшего Лениного друга, рыдала. Она узнала своего Вику на экране в образе Смуглянки не только потому, что он – лейтенант Щедронов, и даже не потому, что он рассказывал ей, как они с Леней как-то в вагоне поезда услышали запавшую в душу им мелодию «Смуглянки», как они насвистывали ее потом все время, пока Вика не убежал на фронт (он был старше Лени на два года). Она узнала его белозубую неповторимую улыбку, взгляд незабываемых глаз. Это же надо, чтобы нашелся такой актер, как Сережа Подгорный, что все, кто знал Вику, узнали его моментально... После премьеры «Стариков» мы не спали всю ночь. Собрались у меня. Вспоминали наше детство, эвакуацию в Барнаул, возвращение в Краматорск...

Сейчас мне приходится много встречаться с молодежью – просят рассказать о том, как жил наш Леня, как учился, как относился к людям, как стал актером и режиссером, откуда брал своих героев. Мне тяжело об этом рассказывать, тяжело снова и снова беречь свое сердце, но я это делаю. Ибо считаю, что этим помогаю юношам и девушкам заполнять свою душу добром, поднимать в ней на-гора лучшее, что в них есть, – человечность, любовь к людям, к жизни. Ибо уверена, пустая душа – большая беда».

Что по поводу чувства юмора... Похоже, у Леонида Быкова оно было в крови. Нельзя читать без волнения одно письмо, ставшее своеобразным завещанием своим родным, хранящееся в архиве А.С.Клещ. В нем «тетя Мэри» – Мария Панкратовна Быкова, сестра матери Леонида Федоровича, пишет: «Я уйду от вас и уношу с собой теплоту ваших сердец. Вам всем желаю я гору счастья, океан здоровья, хороших успехов, дождь поцелуев и хорошего настроения. Буду вас ждать там. И кто придет первый, так и знайте – будет гром аплодисментов». Такой была «тетя Мэри», таким, судя по фильмам и воспоминаниям, был и ее племянник Леонид Быков.

Была еще одна тетя – тетя Нюся, тоже родная мамина сестра. «Моя вторая мама», – называл ее сам Быков. Когда вышел фильм «Алешкина любовь», тетя Нюся очень гордилась любимым племянником. Каждый вечер она собиралась в кинотеатр, как на праздник. Это последний фильм с участием Лени, который она успела посмотреть. Сестра Леонида Быкова Луиза вспоминала, что, когда тетя Нюся впервые посмотрела картину, пребывала в полной растерянности: «Ой, какой же он рыжий, что произошло, что случилось?» Потом привыкла к Лене-блондину, и на лице ее поселилась какая-то заговорщицкая улыбка: «Знай, мол, наших..., хоть и рыжих!»

Клятва на крови. Мечта о небе

*Память вряд ли притупят года...
Где схоронен ты, Витя Щедронов?
Или в небо ушел – навсегда?
Улыбаешься щедро с экрана,
И судьбе, и войне вопреки...
Как же плакала Витькина мама,
Когда в бой шли одни «старики»...*

Юлия Осадчая, стихи с форума сайта памяти Леонида Быкова

В детстве Леонид Быков мечтал стать летчиком, чтобы защищать небо Родины, однако по возрасту не успел попасть на войну. Его братьям по кино, известным артистам Владимиру Гуляеву, Валентину Зубкову, Николаю Гринько и Владимиру Кашпуру повезло больше. В силу возраста они не только попали на фронт, но и исполнили свою мечту о небе.

Владимир Гуляев, 1924 года рождения, проработав год слесарем авиационных мастерских в Перми, в 1942 году, в возрасте 17 лет поступил в местную авиашколу. И уже осенью 1942 года, став летчиком-бомбардировщиком, приступил к самостоятельным полетам. Однако решил переучиться на пилота-штурмовика и закончил авиашколу уже в звании младшего лейтенанта. Перед отправкой на фронт 6 ноября 1943 года участвовал в параде на Красной площади. Воевал в небе Восточной Пруссии, совершая каждый день по три-четыре боевых вылета.

Участник Парада Победы лейтенант Владимир Гуляев считал это событие главным в своей жизни. Свои фронтовые будни описал в книге «В воздухе – Илы» от имени одного из героев, Леонида Ладыгина.

Валентин Зубков после окончания армавирской военной авиационной школы в 1943 году попал на фронт. Летая на самые опасные задания, слыл среди однополчан везунчиком. Механик Чкалова о нем говорил: «Этот парень никогда не погибнет». И был прав.

Комсорг полка, фронтовик Николай Гринько пролетал всю войну стрелком-радистом на бомбардировщиках. А Владимир Кашпур в 1943 году 17-летним парнишкой был зачислен в Харьковское военно-авиационное училище штурманов, базирующееся в Красноярске. Принимал участие в боевых действиях. Прослужил штурманом до 1949 года, позже работая диспетчером авиакорпуса...

Мало кто догадывается, что и за многими героями Леонида Быкова – Максимом Перепелицей, Лешкой Акишиным, маэстро поющей эскадрильи... стоит один и тот же прототип – друг детства актера Виктор Щедронов, летчик, погибший на войне. На протяжении всей жизни Леонид Быков ощущал необъяснимую, почти мистическую связь, неразрывно установившуюся между ними. Друг детства не раз словно предупреждал его о чем-то, напоминая о себе в самые тяжелые моменты. Последний знак Быкову был за три года до смерти, и он поспешил написать завещание...

Надо сказать, что в жизни и гибели Леонида Быкова немало тайн и мистических совпадений. Взять, скажем, те же цифры – «11» и «46». Думаю, можно не напоминать, что они означают... В одной из телепередач о Леониде Быкове астрологи пытались объяснить значение столь роковых для его судьбы чисел. Оказывается, «11» означает кармический долг. И вся жизнь Леонида Быкова была сопряжена с выполнением подобного долга. Другое число – «46» само по себе не несет негативной информации, оно – эквивалент крепкой мужской дружбы. Астролог: «То, что Быков погиб именно этого числа, означает, что свою миссию он выполнил, долги свои раздал и ушел с чувством выполненного долга, а «46» – это опять упоминание о

его друге. Умерший друг не спровоцировал его уход. Наоборот, он хотел предостеречь его от этого ухода. Однако живой человек неправильно воспринял информацию».

Пусть со дня гибели Леонида Федоровича Быкова минуло более тридцати лет, и сегодня непросто разобраться в его биографии. Найдутся ли когда-нибудь объяснения его внезапной смерти, отсутствию даты под завещанием 1976 года (его трехлетнее нахождение вне поля зрения и появление за три дня до катастрофы), совпадению дня и места гибели двух друзей – Леонида Быкова и Виктора Щедронова (быковская 24-я «Волга» врезалась в грузовик на 46-м километре трассы Киев – Минск 11 апреля 1979 года, а самолет его друга разбился на 46-м километре шоссе Прага – Братислава 11 апреля 1945 года)...

Известие о гибели лучшего друга в воздушном бою потрясло Леньку. Сестра Леонида Быкова Луиза вспоминала, как друзья играли в войну, мечтали ко дню рождения Вики, как звал его закадычный друг Ленька, построить деревянный самолет. Строительство продолжалось до самого ухода Вики на фронт.

Позже актер и режиссер Леонид Быков не раз винил себя в том, что не сдержал детскую клятву. В пятнадцать лет он обещал другу, что обязательно станет летчиком. Мальчишки торжественно поклялись в верности небу и вечной дружбе, став духовными братьями. Они верили, что теперь их не разлучат ни время, ни расстояния. То была настоящая клятва на крови. Ее им предстояло сдержать, чего бы это ни стоило, даже если одного из них не станет, как позже и произошло.

Авиация была у Быкова в крови. Выполняя клятву, данную Витьке, мальчишка в мечтах уже видел себя воздушным асом: как идет на таран, расстреливает вражеские «мессеры», сажает горящую машину... Желание стать летчиком пришло из кино – из легендарных фильмов: «Валерий Чкалов», «Истребители», «Летчики»... Почти все мальчишки той поры грезили о небе. Много лет спустя мечта Быкова тоже воплотилась в кино, когда он сыграл маэстро, капитана Титаренко, в своем фильме «В бой идут одни «старики». Не отсюда ли ощущение той особой трепетности и щемящей грусти, словно Быкова так и не оставило сожаление о том, что он сам не побывал в тех боях со «стариками».

Детство оборвалось слишком рано – война. На нее Леня Быков так и не попал. Семью Быковых эвакуировали в Барнаул. В те же пятнадцать, после нескольких неудавшихся попыток бегства на фронт, Леньку с друзьями не раз отлавливали по вагонам и теплушкам и отправляли домой, он принял важное решение. Пришел в военкомат и заявил: «Мне уже 18! Возьмите добровольцем на фронт».

Его с легкостью разоблачили: «Рано тебе еще, салага, сначала школу закончи». Но надо было знать Быкова. В 43-м он всеми правдами и неправдами пробился-таки в летное училище в Ойрот-Туре, ныне Горно-Алтайске, что недалеко от Бийска, но вскоре был разоблачен. Высокое начальство не оценило героической тяги юноши к стальным крыльям, и, когда при проверке личных дел курсантов выяснилось, что Быков приписал себе возраст, его тут же отчислили. Вот как сам Леонид Быков вспоминал этот эпизод своей жизни: «Не получился из меня в свое время летчик. Отправился я в сорок третьем году учиться летать, месяц проучился, но меня выгнали. Расплакался я, потому что у «летчика» в то время было сто тридцать шесть сантиметров роста. Летчик не получился. Хотелось позже стать летчиком, был в летной школе... Ну, в общем, стал артистом...»

Это потом. А тогда, после возвращения домой, после долгих разговоров с отцом, Ленька уступает уговорам и поступает в техникум. Окончательно удостоверившись, что металлургия не его дело, забирает документы и предпринимает вторую попытку. И поступает-таки в 1945 году во 2-ю ленинградскую спецшколу для летчиков.

Казалось, сбылась мечта, но судьба распоряжается по-другому. Ей не нужен был Быков-летчик, куда важнее был Быков-актер. Как ни рвался Ленька на фронт, война закончилась без него. В летном он проучился месяц, когда училище расформировали по причине ее окончания.

Возвращаться в техникум не имело смысла. Прислушавшись к внутреннему голосу, парнишка понимает, чего хочет на самом деле – стать актером, чтобы когда-нибудь сыграть свою мечту и хоть таким образом реализовать юношескую клятву на верность небу.

В июне 1974 года Быков вновь приехал на Алтай в составе большой группы мастеров искусств Украины. Фильм «В бой идут одни «старики», показанный в барнаульском кинотеатре «Россия» и сельских клубах края, имел ошеломляющий успех. ...11 апреля 1974 года. Томск. Очередной премьерный показ картины и очередной триумф. Зрители стоя аплодируют режиссеру, скандируют: «Быков! Быков!...» Однако Леонид Федорович так и не выйдет в этот день на сцену – за кулисами ему станет плохо. Он потеряет сознание. Режиссера увезут в больницу прямо из кинотеатра – инфаркт...

С прямой и открытой эмоциональностью Леонида Быкова нелегко было решать множество проблем, выпадающих на долю режиссера на съемочной площадке. Немало случаев, когда напряженнейший период работы у его коллег завершался инфарктом. Такова расплата за тяжелый труд. Здесь, в больничной палате, он снова вспоминает Виктора Щедронова. Он сдержал данное ему слово – поднял в небо самолет, пусть киношный, но все же... И фильм получился!

Быкову не раз пришлось умирать на экране, как будто повторяя чужую судьбу. И не раз странными совпадениями к актеру возвращалось слово, данное в детстве. Быков никогда не забывал о друге. Витя Щедронов – Смуглянка и сегодня смотрит на нас с экрана.

«Очень показательна история со Смуглянкой, – вспоминала Эмилия Косничук в интервью «Культуре» 12 апреля 2002 года. – Быков долго искал актера на эту роль, пробовал известных «звезд». И вот он увидел Сережу Подгорного, его ослепительную улыбку и... утвердил сразу. Этот образ был особенно дорогим для него... Помните, Кузнечик в фильме показывает летчикам фото матери погибшего Смуглянки? Это подлинное довоенное фото матери Виктора – Анны Тимофеевны Карпач.

То, что в фильме находили, находят и еще будут находить связи с конкретной, реальной жизнью друзей, знакомых, родных Леонида Федоровича, – факт знаменательный. Не мог предать он тех, к кому так трепетно относился, своим «добровольным уходом из жизни». «Будем жить!» – не только фраза, это призыв его души, это обязательство перед теми, кто был дорог ему и кому был дорог он. На всю жизнь я запомнила слова однокурсника Быкова по машиностроительному техникуму Евгения Косика: «Леня завоевывал сердца товарищей уже тем, что везде был первым – и в освоении чечетки, и в волейболе, и в боксе, и первый приходил на помощь каждому, кто в ней нуждался, тем, как умел дарить людям добро и радость».

Сергей Подгорный, исполнитель Смуглянки: «Смотрю картину не как актер, принимавший в ней участие, хотя до сих пор в полной мере помню весь текст, мизансцены, как оператор налаживал камеру, как ставили свет... Смотрю ее как зритель, сердцем, и не могу удержаться от слез. Я ведь играл реального человека, его дружка по Краматорску, после ускоренных курсов прорвавшегося на фронт и погибшего в 45-м. А Быкова не взяли – за низенький рост, за маленький вес. Они были с одного двора. И участники съемок почти каждый год, в апреле месяце, ездили в Краматорск. Подходит ко мне как-то женщина, старенькая-престаренькая, и говорит: «Спасибо, Витя!» Я говорю: «Извините, но меня зовут Сережа». А она опять: «Спасибо, Витя! Ты сыграл моего сына Виктора Щедронова». Обняла и ушла. Сколько я ее после ни искал, не нашел. И когда на следующий год приехал в Краматорск, ее уже не было в живых. Вот это и была та сама тетя Дуся, которой Быков поклонился в фильме».

«Хочу в артисты!» Первые неудачи и победы

Как многие его коллеги-актеры, Леонид Быков с самых ранних лет любил кино и увлекался театром. Старшая сестра Леонида Быкова, Луиза Федоровна, вспоминала, как после 9-го класса Леня ездил поступить в Киевский институт театрального искусства. Сегодня в этом здании по улице Шота Руставели, дом 37, расположился лицей информационных технологий. Именно здесь держал свой первый актерский экзамен юный Леня Быков из провинциального Краматорска.

Его, естественно, не приняли. Выяснилось, что парень еще не окончил школу. Об этом как-то забыли, собирая в дорогу любимчика, плененные его мечтой стать актером сестры матери – тетя Нюся и тетя Маня. Помогая в устройении домашних спектаклей, в которых Леня всегда был и актером, и режиссером, домашние с энтузиазмом помогали ему во всем – с костюмами, реквизитом и декорациями, свято веря в театральное будущее Лени.

Вернулся Леня домой ночью. Когда сестра увидела его в огромных брезентовых тапочках на босу ногу, в чудаковатой майке, которая когда-то была тельняшкой, то от неожиданности чуть не вскрикнула. Он тихо крался по комнате к своей кровати. Остановился, глянул на нее, понял, что она не спит, и, как ей показалось, сразу успокоился. Подошел к ней и начал рассказывать свою невеселую одиссею: как вынужден был вернуться ни с чем, ибо в институте ему порекомендовали прежде всего закончить школу.

Эта поездка была нужна Лене, чтобы понять свои силы. Хотя денег на дорогу было немного, при себе имелась тощая домашняя кошелка с провизией на два дня и запас кукурузных лепешек. Вот и весь его нехитрый багаж. По совету ребят он придумал небылицу о родственниках в Киеве, чтобы не возникло проблем с общежитием. Новоявленный абитуриент так красочно живописал истории из жизни несуществующих родичей, что в это поверили все. Возник законный вопрос: где же ночевать? Ответ нашелся сам собой. На территории нынешнего парка имени Пушкина Леня наткнулся на выставку разбитого трофейного оружия. Здесь, среди искореженной немецкой военной техники, он и облюбовал себе «гостиницу» – танк «Тигр» с развороченным боком. В нем и провел несколько ночей незаконный жилец и будущая кинозвезда Леонид Быков. Тем временем деньги быстро закончились. И все же отступать было не в его характере – позади два тура. И тут открылась незаконность его поступления. Леониду указали на дверь. Денег на билет не было, и парень отправился в путь на крыше железнодорожного вагона. И это были еще не все приключения. По дороге Леонида обчистили воришки. Одному из них понравился его «шикарный» черный костюм морского покроя, другому – хромовые сапоги. После недолгого «спора» один из них все же сжалился и отдал ему свои тапочки и тельняшку. Вот в этих огромных брезентовых тапочках на босу ногу и в переделанной из тельняшки майке он и появился дома.

Кого-то другого неудача, возможно, и застала бы врасплох, но только не Быкова. Луиза Федоровна признавалась, что именно тогда она всем сердцем поняла, что ее брат ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего. В ту пору старшая сестра училась в Харькове в сельскохозяйственном институте. Стоит ли удивляться, что именно туда отправился и брат по окончании школы. Уже в сентябре десятиклассник получил от Луизы письмо с условиями приема и другими важными подробностями приема, благодаря чему уверенно сдал экзамены. Его не остановили ни горячие домашние дискуссии на тему: не ищет ли он легкой доли? Ни опасения отца, считавшего профессию актера несерьезной. Из детства, из среды, в которой вырос, Леня вынес главное правило: относиться к любому труду ответственно и уважительно.

Сестра вспоминала, как Леня пришел к ней в общежитие после первой своей стипендии. В руках – пакет с подарком. Чтобы сдержать волнение, она попробовала пошутить:

– Леня, ты уже пришел?

– Нет, я еще иду, – ответил он заговорщицки. Они долго смеялись, а потом ели борщ, который он так любил. Когда пакет был вскрыт, Луиза не удержалась от вздоха восхищения – ее взору предстали модные тогда туфли-«танкетки». На них пошла вся стипендия новоиспеченного студента, на которую ему предстояло жить целый месяц. «Он был всю жизнь таким – от него шли лучи доброты, самоотверженности, чуткости. Он всегда помнил о каждом из близких, всегда стремился сделать что-то приятное. И никогда, никогда не думал о какой бы то ни было благодарности. Как было его не любить!» – вспоминала о брате Луиза Федоровна.

Учился Леонид Быков увлеченно и вскоре стал сталинским стипендиатом. Уже в студенческие годы начал играть на сцене, совмещая учебу и работу в театре. И по окончании института был приглашен в труппу Харьковского ордена Ленина академического драматического театра имени Т.Г. Шевченко. Именно участие в спектакле «Гибель эскадры» стало счастливым билетом Леонида Быкова в новую жизнь – начинающего актера заметили во время декады украинского искусства в Москве. Приглашение на пробы на «Ленфильм» стало для Быкова полной неожиданностью и открыло талантливому дебютанту новые перспективы.

Харьковские университеты

Я до сих пор живу этими идеалами...
Леонид Быков

В Харьковский театральный институт, ныне национальный университет искусств имени И.П. Котляревского, абитуриенты ехали поступать со всего Советского Союза. В разные годы его окончили такие актеры, как Алексей Петренко, Наталья Фатеева, Нина Русланова... Вот и в 1947 году, когда держал экзамен Леонид Быков, конкурс был огромным. На время вступительных экзаменов молодежь поселили в спортзале института, разделив на две половины – мужскую и женскую. В тот год Лене повезло дважды – он не только поступил на украинское отделение института, но и встретил свою судьбу – вчерашнюю школьницу из Белгорода Тамару Кравченко, зачисленную на русское отделение. Девушка была настолько трогательная, нежная, изящная и женственная, с такими огромными глазами и лучезарной улыбкой, что не влюбиться в нее было просто невозможно. И то, что такая девушка выбрала его – невысокого, большеногого, далекого от канонов классической красоты юношу из небогатой семьи удивляло многих. Кто-то завидовал, только вот отбить не пытались. Тамара могла поставить на место любого, да и с Быковым было спорить непросто – неагрессивен, но неумолим. Владимир Антонов: «Я дружил с Тамарой Кравченко, женой Лени, когда мы вместе с ней работали в Харьковском областном театре, позднее реорганизованном в ТЮЗ. Она была актрисой-травести, великолепно играла мальчишек. Леня приходил ее встречать после спектаклей. В жизни она была хохотушкой... Он ее очень любил...»

Однокурсница Леонида Быкова Светлана Чибисова вспоминает: «Как Леня поступал в Харьковский театральный институт, я очень хорошо помню. На нем была яркая клетчатая рубашка. Привлекали внимание его хорошо очерченные большие губы, носик «уточкой», глаза с озорной хитринкой и необыкновенно красивый кучерявый чуб. Он вышел на сцену легкой изящной походкой и огласил зал своим звенящим голосом: «Шекспир! «Гамлет»!» Зал немедленно разразился гомерическим смехом. Несоответствие внешности простодушного паренька с образом трагического героя казалось разительным. В продолжение монолога «Быть или не быть» смех вспыхивал и среди степенных членов экзаменационной комиссии. После этого первого тура меня и Леню вызвали в деканат. Мы шли понуро в полной уверенности, что нас «зарубили». Но в деканате Лене предложили подыскать комедийный отрывок из украинской классики. Он выбрал монолог из «Мартына Борули» (пьеса Карпенко-Карого. – *Н.Т.*) и попал в мастерскую народного артиста СССР Даниила Ивановича Антоновича». Коллега Быкова по театру Анатолий Литко: «Когда он читал монолог, комиссия не выдержала – полезла под стол... С тех пор все поняли, что это актер не трагического направления».

Позже неудавшегося Гамлета стала привлекать романтическая драма. И все же особо однокурсники запомнили его комического Паташона в капустнике и балагура Труффальдино в студенческом спектакле «Слуга двух господ». Быков был прилежен в учебе, не зная, что такое уныние и лень. Любил петь и танцевать, проявлял недюжинные способности в фехтовании и акробатике. Комедийный талант «Лешки-мечтателя» был очевиден. Пока, неожиданно для многих, он не получил серьезную роль в курсовом спектакле Владимира Крайниченко «Репортаж с петлей на шее» Фучика. Тут уж многогранность таланта Леонида Быкова стала очевидной.

Деятельный, веселый и доброжелательный, Быков, казалось, жил легко, без особых тревог и забот. Однако посторонний взгляд не мог не заметить напряженной внутренней работы, которая, не прекращаясь, происходила в нем. И того, насколько он был требователен к себе. Как много успевал, сознательно готовясь к серьезной работе на сцене. О кино Леня пока и не

помышлял. Однокурсница Быкова Нина Логвинова, ныне профессор театрального отделения ХГУ искусств им. Котляревского, вспоминает: «Это был человек, который нес в себе добро, который не знал, что такое на кого-то обидеться, с кем-то поссориться. Хотя мы, как всякая молодежь, позволяли себе разные вещи. И его обижать позволяли себе, и ссорились с ним. Но он на это смотрел с улыбкой, иронически».

Леонид Быков не зря столь легко, искренне и непринужденно играл комедийных героев. Добрый нрав и природное чувство юмора помогли ему стать прекрасным комическим актером. Еще в Харьковском театральном институте он прославился как постановщик студенческих капустников, в которых и сам был занят как актер. Бывший однокурсник Леонида Быкова Николай Мащенко вспоминает: «Впервые мы встретились с Быковым в 1949 году. И прожили с ним два года в одной комнате номер одиннадцать, в общежитии Харьковского театрального института на Пушкинской улице, в который я на два года позже поступил. Леня своей душевностью сразу привлекал к себе. Жизнерадостный, энергичный, он умел пробудить у своих товарищей оптимизм даже в трудные минуты, которые столь нередки в жизни студентов. Работать он любил подолгу и вдохновенно. Полагаю, что нелегкое и не очень сытое детство научило его трудолюбию.

Мы принадлежали к одному поколению. Гордились тем, что родились в Донбассе. Для нас тогда слово «Донбасс» было очень емким, и мы воспринимали его как своеобразный нравственный пароль, точку отсчета в оценке наших поступков. Думаю, правы те, кто ищет ключ к пониманию творчества Быкова в истоках его воспитания. Без преувеличения можно сказать, что сама атмосфера рабочего города Краматорска, где прошли детство и юность Лени, закалила его дух и волю, научила любить и уважать людей простых, добрых, мужественных. Образы таких людей он и создавал на экране. Благодаря Быкову я понял, что актер и человек – понятия неразделимые.

Леня был душой всех институтских вечеров и собраний. Совестью нашего студенческого товарищества. Он ставил вместе с Володией Кравченко очень смешные капустники, настолько смешные, и сам был настолько смешной в своих эпизодах, в которых высмеивал многих педагогов и студентов, настолько популярен был, что во время новогодних капустников милиция была вынуждена охранять театральный институт. Нас тогда пугала неуверенность в будущем. Мы видели, как актеры, закончившие институт, живут вместе с нами в общежитии, бегают в массовках и получают столь же жалкую зарплату, как наша стипендия. Все это удручало. Но именно Леня Быков стал первым харьковским студентом, которого пригласили на пробы в Киев. Мы отправились провожать его на вокзал всем общежитием. И когда узнали, что он утвержден в фильме «Судьба Марины», пусть на небольшую роль, это был праздник для всего института. Его заметили режиссеры. Он нам всем пробил дорогу в кино».

Светлана Чибисова: «На третьем курсе института его пригласил в Театр имени Т.Г. Шевченко «сам» Марьян Крушельницкий (один из основателей и классиков украинского советского театра, выдающийся актер, режиссер и педагог. – *Н.Т.*). В дебютной роли лихого матроса Паллады – блещущего молодым задором, зажигательного в танце – он подкупил и харьковскую, и московскую публику. От образа этого «братишки» наверняка пошли многие из его киногероев. Успешный дебют открывал Быкову дорогу к большому ролевому репертуару. Однако же его Павка Корчагин вызывал споры. Режиссеру спектакля пришлось отстаивать выбор актера и на худсовете, и в... обкоме партии».

Какие же «козыри» были на руках у Быкова? Ведь дебютант не обладал ни внушительной внешностью, ни завидным голосом...

Его коллега по театру Людмила Попова вспоминала: «Леонид Быков принес в театр новую меру сценической органики. Он был пафосным актером. Но не в том распространенном значении этого слова, которым пытались оправдать ложную актерскую патетику. Его пафос шел изнутри. Быкову претил наигрыш, как и всяческая фальшь. Он «брал» своей непосред-

ственностью, артистическим чутьем... Он был узнаваем в играемых персонажах и неисчерпаемо изобретателен в своих художественных находках. Характерной его чертой была импровизационность».

Окончив Харьковский театральный институт в 1951 году, Леонид Быков получает приглашение в труппу Харьковского государственного академического украинского драматического театра имени Т.Г. Шевченко, где работает до 1960 года. За это время в его репертуаре появляется множество ролей в классических и современных комедиях, водевилях и героических драмах. «Первую школу актерской игры, – признается позже Быков, – я прошел в Харькове в драматическом театре. Играл разные роли. Но была роль, которая являлась для меня главной среди всего творческого репертуара. Это роль Павки Корчагина в спектакле «Как закалялась сталь».

Что и говорить, Павка – строгий контур его комедийных героев, неулыбчивая, жестковатая героическая романтика. Театр стал хорошей школой для молодого актера. Почти за десять лет работы в нем он сыграл в 17 спектаклях, создав незабываемые образы, каждый из которых, по словам его партнерши по сцене Светланы Чибисовой, «был бриллиантом».

Его Павка Корчагин в спектакле «Как закалялась сталь» был сыгран настолько естественно и достоверно, что зал, сопереживая, с замиранием сердца следил за каждым словом и движением актера. В острые моменты действия зрители приподымались с мест, в едином порыве готовые помочь парализованному и потерявшему зрение, но продолжавшему бороться за жизнь, сильному духом Павке. Критика отмечала, что быковский Павка Корчагин – один из самых ярких, реалистичных и обаятельных образов, созданных кем-либо из актеров в этом спектакле, возможно, потому что у Быкова герой вышел не столь прямолинейно-героическим, как изначально было принято изображать. Павка Корчагин был кумиром и самого Быкова, а его слова «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» стали путеводной звездой и смыслом всей его жизни.

Позже, вспоминая день премьеры, Леонид Федорович не мог объяснить, как произошло, что он во время произнесения финального монолога «жизнь дается человеку только один раз...», неожиданно для самого себя, встал... и пошел, всматриваясь в зал. Медленно, в полной тишине, шаг за шагом, глаза в глаза... Зрители, не сговариваясь, тоже поднялись со своих мест и выслушали монолог стоя. А потом тишина... Сколько она длилась? Актер и сам не помнил. И внезапно, как обвал, его «накрыл» гром аплодисментов... «Что меня подняло тогда и повело к рампе – не могу объяснить, – комментировал потом произошедшее Леонид Федорович, – вероятно интуиция: «Сделай так, потому что зрители этого ждут».

Николай Мащенко, позже поставивший «Как закалялась сталь» на телевидении с Владимиром Конкиным и вдохновившийся на этот поступок, по его словам, игрой Быкова, вспоминал: «До сих пор помню сцену, когда Корчагину приносили написанную им книгу о поколении, воспитанном революцией. И он, прикованный к постели, трогательный, беззащитный и одновременно сильный, суровый, приподнимался, с величайшим трудом дотягивался руками до книги. Это производило такое впечатление на зрителей, что они приподнимались в креслах вместе с Корчагиным. В тот момент, когда он дотянулся до книги, выстраданной в таких муках, зал уже стоял, охваченный волнением, как будто стараясь вместе с актером разорвать оковы смертельного недуга.

Это был артистический взлет Лени Быкова. Одна из первых Ярких его побед. Потом были другие спектакли, в которых он тоже играл с блеском».

А вот как вспоминает Леонида Быкова на сцене критик Эльга Лындина: «Я одна из немногих, кто видел Леонида Федоровича на сцене. Мы приехали в Харьков из России, я училась во втором классе, украинский язык я знала довольно-таки плохо, и вот нас повели на спектакль «Как закалялась сталь». Потом, когда я прочла роман, мне казалось, что я смотрела какую-то другую вещь, и я скажу почему.

Я ни разу с тех пор не видела такого доброго, такого человеческого Павки Корчагина. Детская память, конечно, не аналитическая, она скорее фотографическая, эмоциональная, но я очень хорошо все помню. Я в этом театре бывала часто и не только на спектаклях. Мои мама и папа очень дружили с народной артисткой Евгенией Алексеевной Петровой. Тетя Женя знала, что я очень люблю театр, и брала меня с собой. Я тихо сидела и видела иногда Леонида Федоровича за кулисами. Очень часто он был тихим и задумчивым и выделялся этим среди всех остальных. Таким он мне и запомнился. Потом, уже хорошо зная язык, я видела Леонида Федоровича в украинских спектаклях Старицкого. Он много играл.

Он был воспитан на украинском фольклорном театре. В нем было русское реалистическое начало, но от украинского театра, мне кажется, он взял эту мягкость, какую-то задушевность. Потом, когда я смотрела его картины, я поняла, что театр дал ему очень много. В эпоху монументального коллективизма актер обращался к одной-единственной судьбе, одной-единственной жизни, к ее мечтам и горестям, боли и счастью. Мне кажется, что корни его доброты, народности надо искать как в самой личности актера, так и в истоках украинской театральной школы, которая много ему дала, в том нет сомнений».

Харьковский театр им. Т. Шевченко – бывший знаменитый театр «Березіль» Леся Курбаса – умело соединял общекультурную европейскую и народную украинскую традиции. Леонид Быков следовал этим двум потокам. Пройдя школу украинского театра, он не замкнулся на ней. Взаимодействуя на площадке со многими замечательными русскими актерами, Быков блестяще перенял навыки российской актерской школы, органично соединив ее с украинской.

Поэтому Леонида Быкова можно смело считать наследником и драгоценной русской школы, уходящей корнями к таким великим артистам XIX века, как М. Щепкин и А. Мартынов, сочетающих выдающееся мастерство с особой человечностью.

Героев Леонида Быкова любили, им подражали. Комиком он был потрясающим, выдумщиком и шутником. У него было настолько положительное обаяние, что даже когда актер исполнял, казалось бы, отрицательную роль – стилигу в спектакле «Улица трех соловьев, 17» (в самый разгар борьбы с этим чуждым советской действительности явлением, когда узкие брюки милиция ножницами разрезала прямо на улицах), это вызывало сильнейшие опасения и нарекания, как от критики, так и от начальства. Слишком уж милым и привлекательным получался быковский персонаж, носивший необычный мейк-ап. Выходило смешно, но не отталкивающе.

Алексей Швачко, кинорежиссер: «Я часто приезжал в Харьков по служебным делам и просто так, чтобы встретиться со своими старыми друзьями, артистами И. Марьяненко, Л. Сердюком, М. Крушельницким, Е. Петровой, Д. Антоновичем, А. Подорожним и другими. Здесь и познакомился с молодым артистом-дебютантом Леонидом Быковым.

Очень хорошее впечатление оставил он. На сцене Л. Быков «не играл», не кричал, чтобы его слышали и на галерке тоже, а жил жизнью образа, который создавал, просто и правдиво. Я еще тогда подумал – «играет, как в кино».

Мало использовали в театре Л. Быкова, его лирико-комедийное дарование. В разговоре он мне признался:

– Тесно мне в стенах театра... Хотелось бы выйти на более широкую аудиторию...

– Сниматься в кино? – подсказал я.

– Да, сниматься в «важнейшем из искусств», – подтвердил Леня Быков и улыбнулся своей неповторимой улыбкой.

– Все еще впереди, Леня! Ты же еще мальчик...

Он еще более улыбнулся и пожал мне крепко руку.

А вскоре мечта Л. Быкова сбылась – он начал сниматься в кино, сначала в небольших эпизодических ролях, а потом – и в главных. Так «изменил» Леня театру и перешел на постоянную работу в кино, на студию «Ленфильм».

За годы работы на сцене Леонид Быков стал одним из самых популярных актеров Харьковского театра. Если на афишах стояло его имя – успех и аншлаг спектаклю были обеспечены. Зрители, как это теперь говорится, шли «на Быкова». Публика актера просто обожала и боготворила.

«...Мы все называли его Леней, – вспоминал актер старшего поколения Лесь Сердюк, – и старшие товарищи, и одногодки. Он как-то сразу вписался в стремительный поток театральных дел, органично слился с коллективом...

Без театра для Быкова не было бы кино. Вернее, было бы оно для него не таким. Быков был актером театра – с его живой реакцией, с постоянным контактом со зрителем. И мне кажется, тем и поражает нас обаяние Быкова – актера кино, что он с экрана чутким слухом, глубоким взглядом ловит дыхание зала, знает, как вызвать в сердце зрителя отзвук на то, во имя чего он беседует с ним.

Быков пришел в Харьковский театр имени Т.Г. Шевченко еще студентом института искусств. Его и однокурсницу С. Чибисову (ныне народная артистка УССР) пригласили принять участие в возобновлении этапного спектакля шевченковцев «Гибель эскадры». Чибисова играла Оксану, Быков – революционного матроса Палладу. Мне кажется, что быковский разговор о подвиге начался уже здесь.

Но эта идея была подана в характере своеобразном, легком, на первый взгляд, даже шаловливым. Во внешности Леонида не было ничего героического в расхожем понимании этого слова. Небольшого роста, щуплый, с простыми чертами лица ничем не приметного паренька – он удивил с первой же минуты знакомства беспредельным обаянием, искренностью и большим мужеством души. Из этих составных и образуется духовность Быкова-актера.

Да, свое героическое дыхание герой Быкова взял именно от «Гибели эскадры». И его Максим Перепелица, и танкист из советско-чехословацкого фильма «Майские звезды», а позже, конечно, гвардии капитан Титаренко («В бой идут одни «старики»»), и ефрейтор Святкин («Аты-баты, шли солдаты...») – все они дети кочегара Паллады.

В театре актер сыграл немало ролей своих современников, парней веселых, находчивых, самоотверженных. Скрытое за живыми чертами характерности, за беспечностью улыбки, шуткой, героическое начало персонажей Быкова тем убедительнее, что в критический момент проявляется неожиданно, внезапно. Появляется и побеждает, ибо в основе его – правда человечности. Характеры, созданные Леонидом Федоровичем в театре, так же разнообразны, как и в кино, но всех героев – и сценических, и экранных – объединяет позиция актера, его тема в искусстве, все они освещены его неповторимой индивидуальностью.

Не останавливаясь на каждой театральной работе в отдельности, я назову две наиболее значимые. Это Павка Корчагин в инсценировке романа Николая Островского «Как закалялась сталь» и Володя в спектакле «Человек ищет счастье» харьковского драматурга Аркадия Школьника.

Успех Быкова в роли Павла Корчагина был несомненным. Вот слова корифея украинского театра, народного артиста СССР Ивана Марьяненко из протокола обсуждения спектакля: «Он яркий, непосредственный, искренний, трогательный. И все, товарищ Быков, ничего не делаете, сейчас вы искренни».

И еще приведу слова Ивана Александровича, характеризующие исполнение уже другой роли – мальчика, который через сложности личной жизни ищет путь к счастью, ищет, веря, надеясь мужественно и горячо: «Быков мне очень нравится. От него нельзя оторваться». Один из первых приходов Леонида Быкова на экран тоже связан с театром. Именно театральная деятельность Быкова подготовила ему приглашение на роль Сашки, колхозного конюха, в фильме («Судьба Марины. – Н.Т.). В этой картине я играл председателя колхоза и по сюжету был тесно связан с этим неловким худеньким пареньком, курносый, флегматичный, но необычайно тонким душой.

Помню наше пение. Сашка дергает вожжи, волосы его растрепал ветер, а вокруг поле широкое, как его песня, как его душа. Мой герой – человек большой искренности и трудолюбия – любил Сашку за быстрый ум, сообразительность и душевную щедрость... Актерское искусство быстротечно, и даже киноплёнка не сохранит его, если оно не останется в сердце зрителя. Искусство Л. Быкова – народного артиста Украины осталось в сердцах миллионов».

Слова коллеги Леонида Быкова по театру Владимира Антонова вносят некоторые коррективы выше сказанному: «Художественным руководителем Театра имени Т.Г. Шевченко был Лесь Сердюк. С ним-то прежде всего и осложнились отношения у Быкова. Прекрасный актер, Сердюк был непомерно властолюбив. Не думаю, что многие из предлагаемых им Быкову ролей того устраивали. Леня не болел «медными трубами», но ему хотелось играть серьезные драматические роли. И не только играть, он хотел ставить спектакли. Например, задумывал поставить в театре спектакль по пьесе А. Галича «Походный марш».

Харьков до сих пор помнит театральные работы Леонида Быкова. Особенно: Олега («В поисках радости» Виктора Розова), матроса Палладу («Гибель эскадры» Александра Корнейчука) и, конечно, – Павку Корчагина.

А еще его небывалую природную скромность – качество, так не свойственное актерской профессии. Быков тяготился обрушившейся на него славой. Елена Тимофеевко, его партнерша по комедийному спектаклю «Улица трех соловьев, 17» вспоминала: «После фильма «Максим Перепелица» с Леней нельзя было запросто ходить по улицам. На Сумской, завидя его, прохожие столбенели, раскрыв рты, а потом удивленно повторяли на разные лады: «Быков, Быков!» Он страдал от этого, говоря в таких случаях спутникам: «Идем скорей отсюда». Но «старики» театра завидовали его славе... Помимо своей воли он нарушал «закон восторгов» – именитые актеры иной раз не получали столько аплодисментов, сколько выпадало на его долю. Леня уходить из театра не хотел, а о нерадивом руководстве слагал частушки...»

Николай Хрусталеv, журналист: «Впервые я услышал имя Леонида Быкова в начале 50-х годов, когда на сцене Харьковского театра шел спектакль «Человек ищет счастье». Я его не видел, был еще слишком юн, но знал, что там играет совершенно потрясающий артист Леонид Быков.

Однажды, уже где-то после «Укротительницы тигров», году этак в 59-м, я шел по харьковской центральной улице – Сумской (длинная такая улица, идет до парка Горького). Был летний день. И вдруг я совершенно ошалел, увидев впереди идущего Быкова. На нем была немереной красоты замшевая куртка, запредельная мечта любого молодого человека тех лет, в эпоху дефицита вынужденного довольствоваться болоньевым плащом. Хотя итальянцы и утверждали, что эти плащи лишь для дождя, в Харькове, как в любом советском городе, их носили в любую погоду, даже под солнцем, поскольку это было своеобразным шиком. Быков шел один, очень медленно, в задумчивости. С того момента прошло огромное количество лет, а я до сих пор помню то свое небывалое ощущение благоговейного трепета от этой мимолетной встречи. За свою долгую карьеру киножурналиста я видел огромное количество всевозможных звезд, но никогда не забуду ту харьковскую улицу, залитую солнцем...

Для сравнения могу вспомнить, как в 1956 году после фильма «Карнавальная ночь» в Харьков приехала Людмила Гурченко. Я очень хорошо знал ее маму и папу – Елену Григорьевну и Марка Гавриловича. Мама была массовиком-затейником в Харьковском дворце пионеров, а папа баянистом. Они работали на различных сценах города, в том числе и на танцплощадке парка им. Горького. Она была большой, властной, потрясающей русской женщиной с короткой шестимесячной завивкой на голове, а он – щупленьким мужичонкой. При ней он не мог и слова молвить, лишь изредка «возникал», называя ее «ягодка моя», о чем Гурченко и сама писала в книжке. Приезд их дочери в родной город был соразмерен фейерверку!.. И пусть молодой Быков тех лет не имел подобной шумной славы, которая на тот момент была у Гурченко, Харьков к нему испытывал какую-то потаенную любовь, как к своему, нашему

артисту – без фейерверка и бенгальских огней – ровное пламя любви к замечательному актеру, которого город по-прежнему любит и помнит».

В музее театра хранится множество архивных материалов, посвященных Быкову. На отдельном стенде фотографии тех лет и газетные публикации. Главная ценность экспозиции – письмо, написанное Быковым коллегам-актрисам примерно за полгода до вынужденного ухода из театра: «Завтра меня перебрасывают на 2,5 месяца в г. Тарусу... В июле заберу свою команду к себе. Т. е. Тому, Марьяху и Лесюху (жену и детей. – *Н. Т.*). Напишите обязательно. Хотя бы по строчке каждый. Черти! Я жду.

Указаний никаких давать не буду. Активность в сопротивлении не уменьшайте. Лозунг: «Лучше жить стоя в Крыжополе, чем на коленях в Харькове!» Девочки! Письмо не давайте агентам. Если еще висит моя физиономия у вас на стене – посмотрите, и я улыбнусь...»

Как любой театр, харьковский много гастролировал. Вот как писатель Константин Кудиевский вспоминает одну из поездок: «Леонида Быкова киевляне впервые увидели, когда Харьковский академический украинский драматический театр имени Т. Г. Шевченко привез в столицу республики спектакль «Не называя фамилий» по пьесе Василя Минко...

Не по годам отяжелевший ответственный работник после долгих лет отсутствия приехал погостить в родное село. И вот его сын-подросток, ощутив свободу, начинает носиться по дедовскому саду, взбираться на деревья, прыгать с ветки на ветку, душераздирающе выкрикивая при этом. В то время зрителям свежо помнился американский кинобоевик о Тарзане – некоем повзрослевшем Маугли, и молодой артист откровенно пародировал этот образ. Успех оказался полным и неожиданным. Леонид Быков внес в спектакль много свежего, остроумного, своего...»

И все же вскоре Быков вынужден покинуть шевченковскую сцену из-за негативного отношения тогдашних мэтров театра к неистовой популярности актера. Харьковский театр имени Шевченко так и остался его единственным театральным опытом. Спустя годы Леонид Быков любил приезжать в Харьков – в город, где остались его друзья-актеры, его первые зрители, которые его тоже не забыли. И даже пытались вернуть. Об этом вспоминает его харьковский друг и коллега Николай Борисенко: «Мы переписывались с Быковым. Об этом знал Милюха – крупная партийная фигура в тогдашнем Харькове. Милюха сказал мне: «Прошу от имени обкома партии передать Леониду Быкову о том, что мы приглашаем его стать главным режиссером театра имени Т.Г. Шевченко». Это было примерно в 1977 году. Тогда Леня был в зените славы, с ним считались как с кинорежиссером.

Быков отказался. «Ты меня довольно крепко смутил, – писал он в ответном письме. – Мое мнение на этот счет ты знаешь: никакой я не худрук, не руководитель. Перед этой капризной теткой – режиссурой – я робею. Но это даже не главное. Главное в том, что я могу взяться за что-то только тогда, когда мне этого хочется, т. е. хоть как-то нравится. А прочитать любую вещь, нужную для плана и еще для кого-то, я просто не могу. А почему смутил? Да, очевидно – жаль нашей общей мечты о театре.

Чертовски хотелось бы, чтобы театр был кафедрой. Да, не боюсь этого громкого и старомодного слова: яркой увлекательной кафедрой. Со зрителем нужно говорить на волнующие его темы. Не лгать, страстно, увлекательно размышлять, спорить... Ты сейчас, конечно, улыбаешься. Вот, дескать, вспомнил первый курс института. А ты знаешь, я живу, до сих пор живу этими идеалами. Вернее, пытаюсь жить, так жизнь ломает их и рушит на каждом шагу. Но это все-таки самое святое. Без этого скучно и бесполезно будет жить».

Мы знаем, что, получив заманчивое предложение от «Ленфильма» попробовать свои силы в кинорежиссуре, Быков не раздумывал ни минуты. И, полный надежд, он отправляется с семьей в Северную столицу...

Обреченный стать звездой

Кинематограф влюбился в Быкова с первого взгляда, с годами эта любовь стала взаимной. Леонид Быков – актер яркого лирико-комедийного дарования – пришел в советский кинематограф в благоприятный период – время «оттепели». Это был период больших перемен, как в общественной жизни, так и в кинематографе, подвергший значительному пересмотру устоявшуюся систему политических, социальных и моральных ценностей, особенно после XX съезда партии. Подход к воплощению жизни на экране в корне изменился. На первый план в качестве основополагающего принципа выдвигалась правда, красота обывденной жизни, высокая справедливость обычных человеческих отношений, торжествующих над любой попыткой подчинить их догмам предписанных правил.

С разной степенью глубины и таланта новое искусство, прежде всего стараниями молодых, утверждало принципиально иной взгляд на мир. Если в картинах 30 – 40-х персонажи являли собой типажи с четко обозначенными социальными приметами, то кинематограф 50 – 60-х привнес на экраны полутона, позволяющие рисовать сложные и многогранные характеры без предвзятого деления на «черное» и «белое». Кино «оттепели» опиралось в основном на молодых. Выпускники различных творческих вузов получили возможность активно работать. У нового поколения кинематографистов проявилось романтическое отношение к современности.

И здесь, как нельзя кстати, оказались к месту богатейшие возможности оригинального, многогранного дарования и неповторимая особенность Леонида Быкова – его тонкий лиризм, окрашенный мягким, добрым юмором. Кино словно ждало актера, для которого бы любая комедия – будь то лирическая, сатирическая, музыкальная, героическая, бытовая или эксцентрическая – стала родной стихией: настолько легко и непринужденно чувствовал себя в этом жанре Быков. Оптимизм и жизнелюбие актера снискали всенародную любовь.

Как показала дальнейшая практика, серьезные драматические роли тоже были ему по плечу. Природа словно в шутку наградила невысокого, неприметного паренька достаточно чудной внешностью – крупным «утиным» носом, непослушным чубчиком, негромким, словно извиняющимся голосом. Про рост и говорить нечего. Ох, уж этот рост! Сколько же он доставил своему обладателю разочарований... А вот в кино быковский типаж полюбился зрителям и комедиографам. Однако успех не дал актеру главного – уверенности в себе. Исходная природная человеческая и актерская скромность так навсегда и осталась «визитной карточкой» Леонида Быкова. Николай Машенко, друживший с ним еще со времен харьковского института и позже перетянувший его в Киев, называл Быкова нежной души человеком, к которому больше всего подходило пушкинское «печаль моя светла...». Считал, что фильмы у него такие же, а главное, их обаяние, заключено в личности самого Быкова.

Первооткрывателем таланта Леонида Быкова можно считать легендарного режиссера Фридриха Марковича Эрмлера, на первых же кинопробах точно определившего будущее юного дебютанта. Роль Быкова в фильме Эрмлера «Победители» (1952) – о строителях Цимлянской ГЭС – совсем крохотная, всего семь реплик. И хотя по ряду причин фильм на экраны так и не вышел, встреча с выдающимся режиссером оказала на актерское мировоззрение Быкова огромное влияние. Всю последующую жизнь Леонид Федорович вспоминал Эрмлера с невероятной нежностью и огромной душевной теплотой, называя его своим кинематографическим папой: «Фридрих Маркович много со мной работал: для него не было в фильме второстепенных ролей. После одной из репетиций, когда, помню, у меня ничего не получалось, он сказал убежденно: «Не раскисай! Все у тебя получится. Ты обречен быть киноартистом». Слова мэтра: «Есть люди, которые могут приходить в кино и уходить. Ты же теперь уже никуда не уйдешь...» крепко тогда запали тогда в душу молодого актера. Как известно, чутье режис-

сера не подвело – Быков навсегда оказался «побежденным» кинематографом. Ради кино он даже оставил театр, уехав в Ленинград с женой и детьми.

Однако это чуть позже. А пока – работа в картине «Судьба Марины» в Киеве, через год, в 1954 году – «Укротительница тигров» в том же Ленинграде. Первые герои Быкова – симпатичные, уверенные в своих силах, но не очень-то счастливые ребята. Несмотря на досадное сходство рисунка ролей, не отличавшихся глубиной драматического материала, богатейшие возможности оригинального, многогранного дарования артиста налицо. Сашко и Петя Мокин, благодаря прекрасной игре актера, разнохарактерные персонажи: живой и задорный Сашко – «личный кучер» председателя колхоза – запомнился удивительной непосредственностью и странноватой затаенной грустью, некой страдательной задумчивостью. Робкий, застенчивый Петя Мокин, с его неразделенной любовью и наивными признаниями, вносил в фильм свою, отнюдь не комедийную, щемящую ноту, неожиданно сближающую историю с реальностью, в которой далеко не всем и не все удастся.

Леонид Быков очень пригодился и в так называемых «деревенских» комедиях из якобы счастливой колхозной жизни, в которых еще слышались отголоски и перепевы пырьевских «Кубанских казаков», правда, без нарочитого бутафорского изобилия и напористой звонкой-лосой мощи. «Судьба Марины», «Ссора в Лукашах» и тот же «Максим Перепелица» – картины на пресловутую деревенскую тему.

Особо полюбился зрителям жизнерадостный и обаятельный Максим Перепелица в одноименном фильме. Веселый и находчивый, неистощимый на шутки герой Быкова стал настоящим народным героем, давая яркое представление о чувстве юмора актера, о его своеобразной мягкой и проникновенной манере исполнения. Одно только появление его героя на экране создавало легкокомедийный климат. Таким был и его Туз из «Ссоры в Лукашах». Славные, забавные, неустроенные в личной жизни герои Быкова заметно выделялись, заставляя зрителей относиться к ним с нежностью и покровительством, признавая в них не только симпатичных неудачников, терпящих крах в любовных делах.

Роль механика Туза в комедии «Ссора в Лукашах» во многом напоминает Максима Перепелицу и выглядит цепью эстрадных реприз. Колхозный парень не к месту стреляет греческими поговорками, вызывая вспышки смеха у зрителей. В трактовке Леонида Быкова безделье Туза – не свойство его характера, а следствие обстоятельств. Виктор Туз испытывает к поломанным тракторам и простаивающим маслобойкам неодолимую робость. Ну, не лежит у парня душа к технике! Ведь он был весь в искусстве! Ему бы ночь напролет дирижировать колхозным оркестром, декламировать монолог Арбенина или распевать песенки с местными красавицами... Увлеченность Туза столь заразительна, что председатель, кажется, готов простить непутевому механику погрешности в работе, но сам Быков, полный доброго сочувствия к своему горе-механику, осуждает этого обаятельного лентяя, не лишенного исполнительского таланта. И верит, что его Туз еще проявит себя в любимом деле, по которому так трогательно грустит.

Если бы раньше он задумался о правильном выборе профессии, о призвании и месте в жизни, не пришлось бы ему сейчас заниматься машинами. Когда же колхозу понадобилось отправить человека на курсы механизаторов, другой кандидатуры не нашлось. Механика из Туза не получилось: технику он не любил и не знал. Простаивал ли трактор, ломался ли движок или отказывал сепаратор – Туз ничего не мог с этим сделать. Данное обстоятельство вносило сумятицу и сильно осложняло жизнь Лукашей, пока в село не приехал на побывку лейтенант Костя Ласточкин...

Партнерша Леонида Быкова Инга Будкевич так вспоминала время съемок: «С Быковым было очень легко работать. Он был очень добрый, много шутил, балагурил, даже во время съемок строил «рожи». Словом, был в жизни такой же, как его персонаж. Этот фильм и сегодня

часто показывают, бывает, сразу по нескольким каналам. Меня встречают на улице, благодарят. До меня на мою роль пробовалась ленинградская актриса Людмила Макарова, а взяли меня. Мы жили в школе в Тарусе коммуной. Вместе с Лавровым, Быковым готовили, убিরались. Когда ко мне приехал муж Эдуард Изотов, Леша придумал песенку: «Приехал муж Будкевич, но не муж, а красота...». Его коньком была импровизация – он вечно что-то придумывал, в том числе и частушки «на злобу дня», но они всегда были веселыми, доброжелательными. Наверное, ни на одной площадке больше не было такой теплой душевной атмосферы».

Время съемок в этом фильме стало счастливым периодом жизни Быкова. Он активно снимается. Режиссеры Ленинграда, Киева и Москвы стараются заполучить столь многопланового актера, чтобы как можно полнее использовать богатейшие возможности молодого дарования. Даже второстепенные роли выходят у Быкова яркими и самобытными. Его герои становились друзьями и полноправными спутниками главных персонажей в исполнении таких звезд экрана, как Павел Кадочников, Алексей Баталов, Михаил Ульянов, Николай Рыбников... Будь на месте Быкова другой актер, второстепенные персонажи вполне могли бы и остаться в тени образов, созданных известными актерами. Однако благодаря феномену исполнительского таланта Быкова этого не произошло.

Неразделенная любовь, непутевость, подкупающая искренность... – основные характеристики первых быковских героев. Как ни соблазнительно видеть свое имя в титрах, молодой актер стал отказываться от ролей, копирующих однажды им найденное и скользящих по поверхности характеров и явлений. Каждую свою новую работу Леонид Быков стремился наделить многообразием оттенков собственной индивидуальности, понимая, что в актерской профессии повторяться нельзя. Он искал свой путь, стараясь разнообразить роли, преодолев рамки амплуа. «Актер не должен, не имеет права повторяться, – говорил Быков в одном из интервью, – иначе он погибнет, заштампуется неминуемо. Самое страшное, по-моему, это превратиться в актера-амплуа. Некоторое время еще можно экспериментировать успех, а потом крах, катастрофа. Такие случаи, к сожалению, не редки».

Боясь навсегда остаться в рамках лирико-комического амплуа и до бесконечности эксплуатировать одну и ту же маску (в театре Быков тоже немало переиграл комедийных ролей), понимая всю опасность типажного застоя для себя, как художника, актер, соглашаясь на новые предложения, старался выбирать роли самого разного плана. Так в его послужном списке появились фильмы: «Чужая родня», «Дорогой мой человек», «Добровольцы», «Майские звезды». А вот отрицательные роли Леонид Быков не жаловал. А если такое и случалось, в его исполнительской трактовке присутствовала попытка найти причины дурных поступков персонажа, осудить их и поверить в возможность исправления. Вот как Леонид Федорович объяснял свою позицию на данный счет: «Каждый актер и режиссер бывает прокурором или адвокатом. Я всегда адвокат, какую бы роль ни играл, всегда стараюсь найти в самой отталкивающей личности хотя бы маленькую черточку, доказывающую, что еще не все потеряно, что осталось в ней что-то человеческое... Так стараюсь играть все персонажи, которые принято называть отрицательными. Это мой творческий принцип. С ним можно соглашаться или нет, но я на том стою». В этом весь Быков, относящийся к редкому типу творческой натуры, спрашивающей с себя строже самых суровых критиков.

Мера таланта, помноженная на убедительность, буквально с первых шагов помогли Быкову найти свою тему в кино – воплощать на экране образы своих современников. Его герои – отражение единого личностного типа. Это стало красноречивой иллюстрацией, подтверждающей слова великого Шекспира, некогда провозгласившего: «Актеры – зеркало и краткая летопись своего времени». Исполнители действительно отображают и запечатлевают время, в котором живут, в сценических и экранных образах воплощая его характеры и события. Вот и Леонид Быков, живя делами и мыслями, надеждами и тревогами своего времени, придавал

художественную убедительность и жизненную достоверность обобщенному портрету молодого современника, правдиво созданному им на экране.

Творческий путь актера можно разделить на три периода. Первый – поразительно естественное киновосхождение Быкова. Второй – сложный, трудный период поиска своего пути в кинорежиссуре. Третий – обретение Быковым своего режиссерского голоса. Михаил Ульянов, снимавшийся с Леонидом Быковым в фильме «Добровольцы», сравнил его с жаворонком, певшем в голубом небе, «раскованно и удивительно искренне свои последние, как оказалось, к великой горести, песни: «В бой идут одни «старики», «Аты-баты, шли солдаты...». Как точно Михаил Ульянов почувствовал душу Леонида Быкова! Ведь именно в этих работах удивительным образом слились воедино традиции украинского театра, поиски современного языка кино и появление одной из самых замечательных и неповторимых в киноискусстве авторских быковских страниц.

Вот как определил место Быкова в кино его друг и режиссер Николай Машенко: «У нас не принято было превращать людей в звезд, наоборот, на таких набрасывалась сразу и власть, и критики – звездная болезнь! Чуть актер голову поднимет – сразу звездная болезнь... И, как Леня говорил: «Трудно быть одним из очереди, но мы обязаны не выпадать из этой очереди». Ну, это все было сказано, конечно, с улыбкой, но он твердо знал, что он-то не из очереди. Он – исключительная личность. Это очереди стояли, чтобы увидеть его на экране». С ним солидарна и звезда нескольких поколений Татьяна Конюхова: «Леонид Быков входит в плеяду талантливейших артистов и режиссеров советского кино. Мне довелось работать с ним на съемках моей первой картины «Судьба Марины». Уже тогда в нем угадывался огромный творческий потенциал выдающегося художника, которому под силу найти и реализовать свою тему в кино. Я счастлива судьбе за эту встречу. Ей дано было стать камертоном всей моей дальнейшей актерской биографии».

С этим трудно не согласиться. Даже по прошествии трех десятков лет со дня смерти Леонида Федоровича Быкова, зрительская любовь к нему осталась неизменной. Для многих он по-прежнему остается олицетворением человечности, искренности и доброты. Зная его фильмы почти наизусть, мы продолжаем смотреть их и сопереживать его героям, они, как чудодейственный бальзам, снимают с души накопившийся в ходе наших будней стресс.

Кто сказал, что незаменимых людей нет? И сегодня все так же остро ощущается эта утрата. И никому пока не удалось заменить в искусстве столь обаятельную и талантливую личность. Не напрасно Леонид Быков показал нам с экрана, как нужно улыбаться, даже если это улыбка сквозь слезы. Жизнеутверждающая стойкость всегда была и будет сущностью нашего народа. Ее почувствовал и выразил в своих фильмах великий актер, режиссер и человек огромной душевной щедрости Леонид Быков.

«Судьба Марины»

Леонид Быков дебютировал в кино в 1953 году, сразу после окончания Харьковского театрального института. Сейчас мало кто помнит фильм режиссеров Исаака Шмарука и Виктора Ивченко «Судьба Марины». Маленькая роль Сашко, сыгранная Быковым, эпизодическая, довольно схематичная. Однако дебютанту удалось наполнить ее живым юмором, озорством, энергией молодости и украинской певучестью. Его герой, деревенский паренек Сашко – личный кучер председателя колхоза, влюблен в красавицу Галинку (Татьяна Конюхова). Предмет его воздыханий, долгое время отдает предпочтение другому – он и шире в плечах, и выше Сашко, красивее, кучерявее и крепче стоит на ногах. Что и говорить, шофер в деревне в ту пору – большой человек, всегда при деньгах. Однако не житейская, а душевная определенность героя оказывается важнее для девушки.

В других ролях в картине снимались такие звезды, как: Николай Гриценко, Борис Андреев, Михаил Кузнецов. В прокате 1954 года картина заняла второе место. Авторы умело соединили производственную тему с личной историей. Зрителям оказались близки герои фильма. Именно это обстоятельство сыграло положительную роль в дальнейшей судьбе Быкова: его заметили и запомнили не только зрители, но и режиссеры. Так на исходе «малокартинья», на всплеске новой волны, оказалась нужной и своевременной художественная индивидуальность молодого актера. Первый киноэкзамен был сдан.

Позже одна из партнерш Быкова по фильму, Роза Макагонова, вспоминала: «К сожалению, моя память слишком несовершенна и воспоминания в большинстве случаев носят не конкретный, а эмоциональный характер. Ну, вероятно, как и у многих актеров... Тем более что мне пришлось общаться с Быковым на заре туманной актерской юности, во время съемок фильма «Судьба Марины». Это был и мой, и его первый фильм. А первый фильм в юности – это всегда радость. И все было окрашено этой радостью, что, вероятно, нас и объединяло. У меня навсегда осталось вот то ощущение радости бытия. Радости, которой он озарял всех окружающих, той жадной радости, с которой он работал.

Чаще всего я видела его смеющимся, но иногда грустным. Это была та самая пушкинская грусть, помните: «Мне грустно и легко, печаль моя светла...»

Леня был недоволен своей внешностью... Был необыкновенно лиричен, поэтичен, всегда влюблен во что-то или в кого-то. Он был романтик. И ему мешал его нос. Как Сирано... Он был рыцарь. Настоящий рыцарь по отношению ко всем женщинам и товарищ в то же время. С ним можно было, как с подружкой, поделиться своими горестями и получить мудрый (как ни странно, в том возрасте) совет».

Главная партнерша по фильму Татьяна Конюхова так вспоминает первую встречу с Леонидом Быковым: «Я сидела в довольно темной, пасмурной комнате вместе с режиссером Виктором Ивченко, который обосновался там. Где-то рядом стоял трам-тарарам – это работала съемочная группа. За окном начинала бушевать яркая, брызжущая солнцем весна. Шли кинопробы картины «Судьба Марины», на которую я попала сразу после оглушительного успеха «Майской ночи».

Моего партнера долго искали. Во время сосредоточенной работы над сценарием в дверь ворвалась помощник режиссера и ввела кого-то в комнату. И я вдруг почувствовала, что за моей спиной возникла фигура. Я повернула голову и ужаснулась: в дверях стояла худощавая фигурка среднего роста, а лицо вошедшего было похоже на персонаж из нынешней передачи «Куклы» (десять лет назад, когда Татьяна Конюхова в преддверии 70-летия Быкова, о котором я писала статью, рассказывала мне об этой судьбоносной встрече, передача «Куклы» была одной из самых рейтинговых телепрограмм. – Н.Т.). Словно подвижная резиновая маска: нос

напоминал грушу, глаза – треугольнички под припухшими веками. При виде такого я вся сжалась и подумала: «Ой, и вот этого человека мне надо будет в картине полюбить?»

Мы познакомились. Нас посадили рядышком. Режиссер странно, как мне показалось, насмешливо посмотрел на эту странную пару. Пока мы сидели, я вдруг почувствовала от этой фигуры какое-то странное движение, идущую в мою сторону волну – то, что теперь называется энергетикой. словно рядом, на пределе своих возможностей, работал мотор.

Насколько он был ярким человеком, настолько же очень скромным. Ну, вот никакой. Но стоит ему открыть рот и начать что-нибудь рассказывать, и не влюбиться в него было нельзя! Он становился таким красивым, таким обаятельным... Эти лукавые, смешливые глазки, такие добрые, искренние под немного нависшими веками...

Пока я сидела и разглядывала моего будущего партнера, режиссер завязал с Леней разговор об его театральной работе, о гастролях. Актер отвечал спонтанно, сдержанно. Я почувствовала в его словах скрытое напряженное состояние и обратила внимание на руки, вроде бы спокойно лежащие на коленях, но постояннодвигающиеся, живущие самостоятельной жизнью. При внешней сдержанности хозяин их был очень нервным человеком. Это потом помогало мне в работе. И когда мы стали с ним встречаться на съемочной площадке, я уже знала об этой его особенности: все внутри, а внешне смешинки искрами блеснут, поворот глаз и улыбка – такая выразительная, что, казалось, в этот момент все рядом с ним преображалось, озаряясь каким-то неведомым светом. Он меня мог совершенно неожиданно рассмешить, называя почему-то на свой манер: «Конюховская!»

Кинопробы прошли необычайно легко. И потом уже мы встретились с ним на съемочной площадке, на натуре. Слякоть, грязь. Лето начиналось медленно, чернозем раскис. Актеров нужно было соответственно обстановке одеть. Снимали мы под Полтавой. Настоящее украинское село – хаты с горницами, с деревянными надраенными полами, по которым ходили босиком, кровати с огромными подушками.

В первый съемочный день, когда я пришла в хату, снятую для хозяйственных нужд под костюмерную, в проходе увидела нелепую фигуру, идущую впереди, – в кирзовых сапогах, телогрейке, в смешной драной кепке или шапке, загородившую всю дорогу. Походка степенная, важная. словно почувствовав мой взгляд, фигура обернулась... А я была на каблучках, модно одетая, с роскошной копной волос своего собственного цвета (меня тогда еще не успели выкрасить в блондинку). И тут я увидела, что это Ленья Быков! Он выглядел, словно только что спрыгнул с телеги – естественен и органичен. В движениях была свобода, исходившая от того, что он четко понимал, что ему предстоит сделать. Его можно было сразу ставить в кадр. И он сыграл бы, не задумываясь, как, впрочем, позже и происходило на площадке.

Ленья, прежде всего, уже тогда был роскошный театральный актер. Он приехал на съемки после ошеломительного успеха в Харькове его Павки Корчагина. И мог часами рассказывать о своих партнерах – Александре Сердюке и Полине Куманченко, в которую он, по-моему, был влюблен. Больше всего он любил рассказывать о контакте на сцене, который рождает импровизацию. И он так живо и увлекательно об этом говорил. В этом чувствовался огромный запас энергии. Все, что он делал, он делал вдохновенно: играл ли, пел ли (он был бесподобно одарен музыкально). Молодежь после съемок любила собираться за полночь, петь...

Мы звали его Алешей, Алексеем, а кто и Алешенькой. Я просто влюбилась в этого человека, не влюбиться было нельзя – в его талант, в такую смешную, но обаятельную внешность. Все в нем было так гармонично, что даже если рассматривать по отдельности его лицо... боже, какая нелепость. И вдруг это все вместе: с этой светло-золотистой копной волос, с этими смешинками в глазах. Что-то такое есенинское, нежное... Забыть это невозможно.

Он был очень заботливым и внимательным – всегда приносил что-нибудь вкусненькое: те же ягодки, которые неизвестно где раздобывал.

Леня был необычайно музыкален. Это и проявилось потом в его фильмах. Его любимые песни были «Ой, у лузи, лузи... червона калына». Он выводил ее так, что хотелось плакать...

Он был естественным во всем, потрясающе пластичным, хотя не был худеньким, а атлетически сложенным, таким ладненьким, поджарым, мускулистым и невероятно стремительным и очень органичным, артистичным. Это был сгусток вдохновения, очарования. И в то же время в нем чувствовался огромный запас лиризма, доброты, нежности. Ритм жизни у него был учащенный: как на часах есть стрелки – одна указывает часы, другая минуты, но есть еще одна, отсчитывающая секунды – так учащенно, как мне кажется, билось у него сердце. Он должен был все успеть. Вот это было в нем главное».

В другом интервью актриса неосторожно признавалась: «Единственный, кем я когда-либо страстно увлеклась, и этого никогда не забуду, был Леня Быков, но в него не влюбиться было нельзя. Это такое неповторимое чудо, такая ярчайшая индивидуальность! Я даже папочке отослала тогда письмо, где написала: «Мне кажется, наконец-то я по-настоящему влюбилась...» Он мне ответил примерно так: «С Богом, дочка!» Но чего благословлять-то, ведь Леонид был женат, жена ждала ребеночка. И я зажала свои чувства в кулак. Кончились съемки, я отправилась на Север, а он остался на Юге...»

О том, как попал актер на картину «Судьба Марины», рассказывает в своем интервью ассистент режиссера Игорь Ветров: «Шел 1953 год... Тогда и свела меня судьба с Леонидом Быковым. Для картины, в числе других, нам нужен был симпатичный сельский паренек – лиричный кучер-весельчак Сашко. На эту роль и пригласили Быкова, тогда актера Харьковского театра им. Т. Г. Шевченко.

...Я сам привез Леню из гостиницы на студию. Правда, несколько рано, почти за два часа до начала кинопробы. Дело в том, что примерно час уходит на костюм и грим, а потом ведь и режиссер фильма Исаак Петрович Шмарук просил возможность «поработать» с актером. Он хотел это сделать прямо на съемочной площадке, в павильоне.

С костюмом и гримом Леня управился минут за сорок, и мы направились к месту съемки. Там уже была подготовлена декорация «под натуру», с живописным мостиком через ручей и деревьями на фоне. Режиссер уже был в павильоне, тоже готовился – прикидывал мизансцену. Я оставил Леню с Исааком Петровичем и отправился готовить к съемке его партнершу. В павильоне появился я уже перед самым началом сцены.

Как всегда в такое время, особенно чувствуется ритм, в каком живет вся группа. Механики и ассистенты торопятся с установкой камеры, прокладывают «рельсы» для тележки, здесь же осветители проверяют свои «Диги» – треск от этих приборов и вой стоит невероятный, покаотрегулируют в них угли. Не спеша, появляются в павильоне наши аристократы – звуковики. Тогда они еще работали солидно, основательно, с большим «журавлем» – так именовался штатив с выдвигной штангой для микрофона. В это же время художник Коля Юров со своими ассистентами готовил декорацию, тут же хлопотали костюмеры, гримеры, реквизитор... Словом, к началу пробы на съемочной площадке собралось десятка два людей. Все что-то энергично доказывали, оживленно спорили, спешили... В этой суете, как ни странно, не забывали и о главных виновниках – актерах. Обычно им отводили спокойное местечко где-то в сторонке.

Там они и просматривали еще раз свой текст или же старались покурить для успокоения у входа в павильон. Это проделывалось тайком от бдительного глаза пожарников. Все становилось на свои места, когда через динамик раздавалась команда режиссера:

– Приготовиться к съемке!

Леня скромно пристроился на лавочке среди деревьев в самом углу декорации. Сюда же, на скамейку, предусмотрительный реквизитор уже принес гармошку – наш Сашко по сценарию должен был на ней играть. Защелкали, зажглись осветительные приборы, и ассистент оператора Николай Максименко позвал актеров «в кадр» – на мостик. Там должен был происходить основной разговор.

У камеры, на тележке «Долли» пристроился наш оператор-постановщик Владимир Войтенко. Художник-постановщик Николай Юров что-то уточнил с ним и побежал через мостик к микрофону – принялся снова передвигать деревья, стоявшие за актером. По просьбе оператора Леня поправил фуражку так, чтобы тень от козырька не ложилась на глаза. Стоял он на мостике с каким-то отсутствующим выражением лица. Девушка, его партнерша, оживленно переговаривалась с гримерами. То и дело она просила зеркало и старательно прихорашивалась, поправляла упрямый локон.

Исаак Петрович сидел за своим режиссерским столиком и мрачно наблюдал за актерами. По выражению его лица не сложно было понять и настроение. Я решил не попадать сейчас ему в поле зрения.

Постепенно в павильоне утихла предсъёмочная суета. Костюмеры убрали видные только им пылинки, гримеры напоследок промокнули актерам лица и отошли в сторонку. Режиссер-постановщик по-прежнему мрачно смотрел туда, где должен был сиять весельем колхозный ездовой Сашко. Веселья там пока не наблюдалось. Я подошел к режиссеру и доложил:

– У всех готово, Исаак Петрович. Можно снимать.

Он глянул на меня и только головою покачал.

– Это вы так думаете, Игорь. А я еще раз попытаюсь прорепетировать. Давайте тишину, и чтобы актеров уже никто не дергал.

Я подал команду:

– Приготовились к съемке! Полная тишина!

Всякое движение на съёмочной площадке прекратилось. В павильоне все замерло. Слышны были чьи-то шаги в коридоре, потом прозвенел большой медный колокол и инспектор тишины, старичок Бондарец, высоким звонким голосом прокричал:

– Генеральная репетиция!

Я на всякий случай махнул рукой, и актеры двинулись к мостику. Синхронно их движению беззвучно ехала по рельсам камера на тележке, плыл над головами микрофон. «Диги» не трещали и не «пели». Все было отработано до мелочей. Я обратил внимание, что в павильон зашел Семен Леонтьевич, директор нашей картины. Он старался не пропускать ни одной пробы. Об актерах у него всегда было собственное мнение, часто не сходное с мнением режиссера, ножевое.

Сцена шла вяло. Правда; девушка по-студенчески добросовестно старалась воздействовать на своего меланхоличного партнера, но это ей пока не удавалось. Леня шел за ней, перебирая лады трехрядки; там, где требовалось по мизансцене, он останавливался, вполголоса отвечал ей и снова шел. И так до самого конца. Все было правильно, но скучно. Неужели без продолжительных «театральных» репетиций Быков ничего не может сделать?

Я глянул на директора картины. Семен Леонтьевич следил за действиями Лени внимательно, даже с улыбкой. Было похоже, что Быков ему нравился. Я даже удивился, что такой сухарь мог улыбаться. Оператора устраивало на репетиции то, что актер «чувствует камеру», точно выдерживает ритм движения и мизансцену. Ну а мне просто нравился Леня Быков с самого начала.

Послышалась команда:

– Стоп!

Недовольный режиссер уступил место у камеры оператору и пошел к актерам. Что он там говорил, я толком разобрать не мог. Подходить ближе не хотелось, чтобы не мешать режиссеру. Да и без этого было понятно, что Лене достаются основные замечания. Леня возражал. Он стоял, опустив понуро голову, молча кивал и соглашался с режиссером. В конце концов, Исаак Петрович дал все свои указания и советы, махнул рукой актерам и пошел к камере.

– Все, на исходный! Снимаем!

Актеры отправились на свое место, за ними двинулась камера и все мы.

– Приготовились к съемке! – скомандовал я снова.

– Повторить тишину!

И снова в коридоре – колокол и звонкий голос Бондарца. А здесь все замерли у аппарата.

– Леня, как там ваш внутренний голос? – спросил в последнюю минуту режиссер. –

Готовы к съемке?

– Вроде да...

– Мотор!

– Есть мотор! – ответил звуковик.

Громко шелкнула хлопушка, и помреж выкрикнула номер кадра:

– Проба тринадцать, дубль один!

– Есть! – сказал оператор.

Началась съемка. Актеры двинулись к мостику. Снова запиликала гармошка. Снова девушка шла впереди, Леня за ней, но в кадре что-то почти неуловимо изменилось. Центром внимания всех, кто был на площадке, стал теперь Леня. Казалось, те же движения, те же слова, а только все вдруг заискрилось, заиграло, согретое особенной, неповторимой Лениной улыбкой. Он словно заморозил всех в павильоне. Сцена кончилась, а режиссер-постановщик даже забыл подать команду «Стоп». Он стоял возле камеры, смотрел на Быкова и улыбался. Словно не веря в происходящее, посмотрел – на меня, на оператора. Войтенко молча поднял большой палец. Бабанов тоже был доволен. Я посмотрел на Леню, на его реакцию.

Невозмутимый, стоял он, опершись о перила мостика. Не подавая вида, словно ничего тут не произошло, меланхолично смотрел куда-то в павильонную темноту. Девушка отошла, и он стоял один.

Стоял Сашко с гармошкой. А может, Леня Быков стоял тогда наедине со своим Сашко, как бы примериваясь, вживаясь в этот первый образ в кино, с которого и начался потом яркий и трудный путь талантливого, самобытного, всеми любимого актера, режиссера, человека Леонида Федоровича Быкова».

«Укротительница тигров»

В 1953 году, после первого успеха картины «Судьба Марины», режиссеры «Ленфильма» Александр Ивановский и Надежда Кошеверова приглашают актера в свою комедию «Укротительница тигров» на вторую по значимости мужскую роль – Пети Мокина. Фильм выйдет на экраны через год.

Быков на седьмом небе от счастья, что оказался на одной площадке с прославленными артистами – Кадочниковым, Сорокиным... Свободное время молодой артист проводит в соседних съемочных павильонах – все ему интересно, все нравится. Хочется как можно больше увидеть, запомнить. Киношная жизнь ярка и так не похожа на ставшие привычными театральные будни.

В комедию о цирке, становлении характеров и развитии отношений Быков внес свою неповторимую лирически-трогательную ноту щемящей грусти. Она сделала фильм более объемным, насыщенным, расширила рамки его драматургии. И все же Пете Мокину ли тягаться с ослепительной улыбкой Павла Кадочникова? Моряк речного флота, беззаветно влюбленный в подругу детства, потомственную циркачку Леночку Воронцову, мечтающую стать укротительницей тигров, он еще не подозревает, какая драма ждет его впереди. Не разделяя девичье увлечение цирком, Петя, ревнуя Лену, мечтает сразу же после свадьбы настоять на своем и отправить ее подальше, в деревню, к тетке. Вот только несколько фраз, выразительно представляющих этот персонаж: «Паршивый тигр, хищник, дороже ей хорошего человека!»; «Пропади ты пропадом, людоед!»; «Я своего добьюсь. У меня любовь – дна не достанешь!». Все они, красноречиво иллюстрирующие страстность и искренность героя, остались в народе.

Сам типаж артиста – немного грустные, раскосые глаза, большой мясистый «бульбочкой» нос, мягкий тембр голоса словно располагали к подобным ролям, и роли «неудачников» не заставили себя ждать. Без Пети Мокина трудно представить себе все перипетии любовного треугольника. Партнер по фильму Павел Кадочников считал, что без него и сама картина бы не состоялась – «без неповторимой быковской теплоты и грустноватого юмора».

В герое Быкова сочетались редкие качества – настойчивость молодости и уверенность в своих возможностях. По законам жанра, Петя считает, что, во что бы то ни стало, добьется расположения девушки. И просто не может быть по-другому. Чего только стоит сцена объяснения Пети в любви Леночке Воронцовой. Сияющей от премьерного успеха девушке он, волнуясь, вручает письмо-признание: «Здравствуй, Лена! Если металл раскалить сначала добела...». Когда девушка поймет смысл написанного, она, чтобы смягчить отказ, попытается перевести все в шутку, а потом бросится Пете на шею со словами: «Ты самый лучший, самый хороший... ты мой единственный друг...» И влюбленный Петя сразу все поймет и грустно заключит: «Ну что ж, насильно мил не будешь...»

Какой бы эпизод с участием Быкова в «Укротительнице тигров» мы ни вспомнили, актер везде абсолютно достоверен. Не ставя перед собой специальной задачи кого-либо рассмешить, Быков пользуется законами комического, легко и умело вызывая ответную улыбку зрителя. Проникаясь симпатией к герою Быкова, мы верим в его чувства и в сцене на судне, в кругу матросов, и в сцене объяснения с героем Кадочникова, и в том же эпизоде чтения Леночкой его письма-признания. Обнаружив тонкое комедийное дарование, Быков обогащает незатейливую комедию положений, расширяя рамки традиционного амплуа тихони, застенчивого неудачника, постоянно попадающего в переплет. Жизнь показала, что это был верный путь начала творческих поисков артиста.

В картину Быков попал по протекции Павла Кадочникова, который вспоминал: «Об актере Леониде Быкове я впервые услышал в Харькове, от моего друга народного артиста СССР Леся Сердюка. Он говорил о театральных перспективах Быкова и тогда назвал его кинемато-

графическим дарованием, имея в виду исполнение им одной из ролей в нашумевшем тогда фильме украинских кинематографистов «Судьба Марины». Леонид был очень искренен в этой роли, деревенского парня Сашко, и, несомненно, кинематографически талантлив.

Первый фильм с его участием на нашей Ленинградской студии – «Максим Перепелица» принес славу и актеру Быкову, и «Ленфильму».

Через несколько месяцев я увидел его в коридоре студии и не узнал. Небольшого росточка, в периферийном пальтишке, он шел вдоль стены, и сразу можно было определить, что это «не наш» человек – скромный, не бросающийся в глаза, шел он грустный и какой-то подавленный. Зная о том, что он актер удивительно одаренный, я подумал тогда – и где же он берет эмоциональность в кадре? Специально пошел на съемочную площадку. И опять не узнал его. Веселый, спортивный и душа группы. Все тянулись к нему. Я подошел, и мы познакомились. С удовольствием почувствовал его крепкое мужское рукопожатие. Через несколько дней в выходной я собирался за город на дачу и пригласил его с собой порыбачить.

О чем мы говорили тогда, забывая глядеть на поплавки? О Тиле Уленшпигеле, Ходже Насреддине, о русском Иванушке и, конечно, о Теркине.

– Я преклоняюсь перед народными острословами и мечтаю воплотить такой образ на экране, – говорил Леня. После этой рыбалки мы крепко подружились.

Вскоре режиссер нашей студии Надежда Кошеверова приступила к работе над фильмом «Укротительница тигров». Я был приглашен на главную мужскую роль – Ермолаева, а на вторую роль – незадачливого жениха Пети Мокина предложил режиссеру Леонида Быкова. Несмотря на то что на эту роль уже были определены другие кандидаты, я убедил Кошеверову, что только Леня сможет сыграть роль Мокина. И не ошибся. Он сразу влился в группу и вжился в образ своего героя.

Кинопробы я увидел лишь на заседании худсовета и был поражен органичному и профессиональному решению образа Пети. Кое-кто из наших худсоветовских скептиков пытался возражать, но большинство искренне голосовало за Быкова...

Как хорошо нам было на съемках! Снимали мы в маленьком русском городке. Вечерами почти всей группой ходили на речку. И Леня, как всегда, был главным заводилой. Сколько интересного мы узнали от него, какими украинскими песнями он нас радовал! Незабываемое время!...»

Столь же тепло вспоминала встречу с актером и Людмила Касаткина: «Наша встреча с Леонидом Быковым состоялась очень давно – на картине «Укротительница тигров». Я очень волновалась на пробах – ведь это был мой дебют в кино. Но волнение Лени удивило даже меня. Он буквально места себе не находил. Это его трепетное отношение к работе совершенно покорило и меня, и всех членов съемочной группы.

Он был неистощимый выдумщик. Помню, Леня совершенно серьезно убеждал нас, что моя героиня Лена Воронцова должна любить Мокина, которого играл он, а не героя Павла Кадочникова, как это было определено сценарием. И он постоянно искал то, что должно было подтвердить эту его мысль. И, представьте, после выхода «Укротительницы тигров» на экраны приходили письма с вопросом: «Почему Лена не ответила на чувство Мокина, человека, который ее так любит?» Убежденность актера передалась зрителям, которых он смог увлечь силой чувств своего героя.

Быков был очень чутким партнером. Он думал не только о себе, своей сцене, но и переживал за меня. Подойдет, что-то тихонько скажет и уберет. Вроде мелочь, а помогало очень, и настроение улучшалось, и вера в свои силы появлялась. Такое его дружеское участие выручило меня, например, в трудной сцене, когда Лена должна была сказать Пете Мокину, что любит другого.

А как Леня волновался за меня, когда я входила в клетку тигра! Или когда во время отдыха хищников дрессировщик Борис Эдер заставлял меня гладить зверей, кормить их. Леня всегда был рядом. Может, поэтому так выразительна сцена Мокина возле клеток.

Помню, я очень боялась крупных планов. Быков успокаивал меня, и потом сказал: «Давай сходим к Павлу Петровичу Кадочникову, он давно снимается. Поможет советом!»

Леня умел быть скромным и незаметным на площадке. Его любили все, ведь скромность – великий дар. А у него скромность была помножена на талант, удивительную чистоту, яркую индивидуальность. Я огорчалась, что Леню Быкова мало снимали, и искренне обрадовалась, когда он занялся режиссурой. Мне очень нравятся его фильмы – своей чистотой, любовью к людям. Я рада, что мне довелось встретиться в жизни с таким художником и человеком».

Быков был очень ранимым человеком. В начале творческого пути с ним обошлись не очень тактично, и в памяти занозой засел эпизод, о котором он случайно узнал. О нем мне рассказала Клара Лучко: «Внешность не соответствовала сложному внутреннему миру Леонида Быкова. Когда режиссер Надежда Кошеверова пригласила его в картину «Укротительница тигров», она почувствовала его огромный актерский потенциал и предложила роль юноши, влюбленного в героиню, которую играла Людмила Касаткина. А она предпочитает другого – его роль исполнил Кадочников. Тогда еще не было Госкино, и все пробы утверждали в Министерстве культуры. Пробы смотрела министр Екатерина Фурцева.

– Не понимаю, как этот гадкий утенок может соперничать с Кадочниковым, – сказала она. Быкова не утвердили. В кино не бывает секретов, тут же нашлись «доброжелатели», которые передали эти слова министра Быкову. Фурцеву, в конце концов, уговорили, и Леня сыграл роль Пети Мокина блестяще. Он украсил картину. Но те слова, что были сказаны ею, разве их можно забыть? Думаю, неприятный осадок в его душе остался. Трудно даже представить себе, как он это переживал. В конце концов, когда его утвердили, он снимался, не соревнуясь с Кадочниковым, а создав с ним прекрасный тандем – каждый был самим собой, на своем месте».

Надо сказать, что у многих выбор актеров на главные роли в «Укротительнице тигров» вызывал сомнения. Павла Кадочникова боготворили все – от мала до велика. После фильма «Подвиг разведчика» его видели только в ролях героического плана. Участие в комедии вызывало недоумение. Утверждая на главную роль молодую, тогда не известную актрису Людмилу Касаткину, режиссеры тоже рисковали: рядом с любимым актером зрители мечтали видеть равную по статусу актрису, а уж никак не дебютантку.

После окончания ГИТИСа Касаткина играла в Центральном театре Советской Армии. На съемках «Укротительницы» самым трудным испытанием для актрисы стало не волнение после объявления команды «Мотор!», не трепет перед звездностью партнеров, а необходимость войти в клетку с тиграми. Когда большая часть материала была отснята, режиссеры для достоверности решили включить в картину сцены на манеже. Касаткина оказалась перед фактом, ведь в договоре речь шла только о комбинированных съемках и дублерше.

Однажды Быков оказался в павильоне, где полным ходом шла дрессировка тигров. Как мы уже знаем, во всех опасных сценах с животными вместо Людмилы Касаткиной снималась дрессировщица Маргарита Назарова (ассистентка знаменитого дрессировщика Бориса Эдера, позже сыгравшая главную роль в фильме «Полосатый рейс»). На этот раз в клетку с хищниками запустили саму артистку. Ближе всех к клетке стоял Быков. Когда в клетке оказался малознакомый им человек, тигры пришли в возбуждение. Дрессировщик Эдер скомандовал: «Наступайте! Бейте!» Касаткина ударила приближающегося зверя, но он расвирипел и неожиданно прыгнул на нее... Актрису спасла реакция. Из оцепенения ее вывел истошный крик Быкова: «На пол!» Эта подсказка и спасла дебютантку. Она успела упасть на опилки, и тигр промахнулся, перелетев через нее. Случившееся произвело на Быкова столь неизгладимое впечатление, что он навсегда сохранил в памяти устрашающий образ разъяренного зверя с огромной пастью. «Похоже на лицо смерти», – признается он оператору фильма.

Не решившись на повторение эксперимента, следующие сцены режиссеры снимали через стеклянную перегородку. Однажды тигрице Раде, пребывавшей в дурном расположении духа, удалось, искусаив партнеров, разбить стекло и оказаться рядом с актрисой... На этот раз Касаткина даже не успела испугаться – Эдер выдернул ее из вольера. Позже он всерьез приглашал Касаткину в аттракцион: «У вас есть главное – кураж!»

Однако главными героями фильма были все же не тигры, а люди. Основной сюжетной линией оставалась взаимоотношения Касаткиной с Кадочниковым. Этот кинодуэт так полюбился зрителям, что народ актеров поженил, особенно после выхода на экраны в 1956 году очередной комедии Кошеверовой «Медовый месяц», давшей почву новым слухам.

Кроме Касаткиной, в «Укротительнице тигров» дебютировала еще одна замечательная актриса театра и кино – Нина Ургант, глава известной актерской династии. Помните Олечку, взбалмошную кокетку с гиперактивной, почти опереточной мамашей, которая, в свою очередь, хочет заполучить звезду цирка Федора Ермолаева себе в зятя? Нина Ургант в этой роли комедийно-легка, очень пластична. Ее последующие серьезные работы в таких картинах, как «Вступление», «Мать и мачеха», «Пока жив человек», «Белорусский вокзал», «Сыновья уходят в бой», «Я родом из детства» подтверждают разноплановость актрисы и ее широкий драматический диапазон.

Надо сказать, что фильм с любыми животными вызывает в процессе работы у постановщиков немало трудностей. Четвероногие артисты – дело хлопотное. Что уж тут говорить о полосатых хищниках – тиграх. Здесь, как говорится, держи ухо востро. Без профессиональных дрессировщиков, понятное дело, не стоит и за дело браться. Даже если в кадре настоящие полосатые артисты, съемки от их коллег-людей требуют немалого мужества. Вот как описывал историю создания «Укротительницы тигров» в своей книге «Полосатый рейс», изданной издательством «Дрофа» в 2003 году, Максим Могилевский: «Съемки фильма «Опасные тропы» шли полным ходом, когда на «Ленфильме» был задуман новый фильм – кинокомедия о жизни цирка, «Укротительница тигров». На роль главной героини Лены Воронцовой пригласили молодую талантливую артистку Театра Советской Армии Людмилу Касаткину. Так же, как раньше актриса Галина Юдина, она категорически отказалась сниматься с тиграми. Но на этот раз режиссеру не пришлось долго ломать голову, кем заменить ее в опасных сценах. Конечно, Маргаритой Назаровой – она приобрела уже достаточный опыт работы с тиграми. Для подготовки заключительного эпизода, когда Лена Воронцова выступает на арене с группой дрессированных тигров, нужны были опытные специалисты. И на этот раз хищников дрессировал Константин Константиновский, а консультировал Борис Эдер. Ему была поручена роль учителя Лены Воронцовой – старого дрессировщика Телегина...

Теперь Эдер дрессировал тигров уже не один, а вместе с ученицей. С каждым днем он все больше и больше нагружал Маргариту работой, передавая ей бразды правления. Для новой картины нужно было подготовить не только отдельные эпизоды, но и целый аттракцион. За три месяца следовало настолько сблизить Маргариту с тиграми, чтобы она смогла работать самостоятельно...

Закончив натурные съемки в Боржоми – Бакуриани, дрессировщики со всем своим имуществом и четвероногими артистами погрузились в поезд и отправились в Ленинград... Маргарита с увлечением отрабатывала с животными трюки... старалась приучить тигров к работе перед кинокамерой, под ослепительным светом «юпитеров». Треск аппарата отвлекал зверей, они нервничали, пугались, злились. Но дрессировщица настойчиво заставляла их выполнять задания. Маргарита теперь работала самостоятельно. На манеже с тиграми она находилась одна; оба дрессировщика стояли по другую сторону решетки, готовые в случае чего прийти на помощь.

Вместе с Маргаритой выросли и ее полосатые партнеры. Прошло совсем немного времени, и они уже не обращали внимания на треск кинокамеры, на ослепительные лучи прожек-

торов. Назарова, словно играя с животными, заставляла их прыгать через объятый пламенем обруч, ходить по деревянным бутылкам, перепрыгивать с тумбы на тумбу и строиться в пирамиды. Маргарита повелевала командой тигров, а операторы в это время снимали самую настоящую дрессировку. Дрессировка – это не угнетение, а творческий союз. На репетициях проверяются открытия, сделанные во время предварительного ознакомления, намечаются трюки. Звери даже могут внести в них свои поправки. Действуя согласованно со своими питомцами, идя в чем-то на компромисс, дрессировщик добивается полного подчинения, а щедрое угощение, которое получают звери во время репетиций, должно создать у них приятное впечатление о пребывании на манеже и вызвать желание прийти туда снова. Это угощение – кусочек мяса – самый убедительный аргумент... Более того, некоторые даже разгадывают смысл аплодисментов и соответствующим образом реагируют. Если хлопки редкие, животные работают вяло. А уж если зрители уходят раньше времени, то звери начинают с раздражением следить за ними, словно недоумевая: мы ведь показали еще не все, что умеем.

Некоторые животные – и львы, и тигры, и даже свирепые леопарды – очень гордятся своими успехами. Заслышав бурные аплодисменты, они демонстрируют свое искусство с большим старанием. Вполне возможно, что они воспринимают аплодисменты как сигнал-оценку, подтверждающий, что они поступают правильно... Вся ответственность по технике безопасности в съемках с тиграми возлагалась на Эдера. Поэтому кроме непосредственной работы с хищниками он проводил разъяснительную работу со всей съемочной группой и теми артистами, которым по сценарию предстояло сниматься с тигром. Именно с тигром, поскольку на роль главного исполнителя самых опасных трюков был выбран Пурш. В первом эпизоде, который предстояло отснять, тигр возлежал на диване в кабинете директора цирка. Репетиция много времени и труда не отняла, потому что этому «трюку» Пурш обучился трех месяцев от роду – в доме у Буциниекс. Надо было только напомнить ему, какое замечательное место – диван.

Пурш вспомнил это сразу, как только вошел в клетку и увидел старый мягкий диван. Вскочив, он сразу улегся, растянулся во всю длину и, положив голову на подлокотник, блаженно зажмурился. И потом во время репетиций, когда в клетку ставили диван, тигр вскакивал на него, не дожидаясь никаких команд.

Правда, для съемок предназначался другой диван, с тугими пружинами, обтянутый гранитолу, и Эдер беспокоился, что Пурш, почуяв незнакомый запах, не захочет прыгать на этот диван, а то и решит проверить, из чего он сделан. Помещение, где разместились декорации директорского кабинета и приемной, было обнесено решеткой, чтобы тигр не смог попасть в павильон, где находились осветители и технический персонал. Пурш вошел в кабинет и, как водится, сразу вскочил на диван. Но тот под массой его двухсоткилограммового тела резко спружинил. От неожиданности Пурш, издав угрожающий рык, высоко подпрыгнул, а потом молниеносно вцепился когтями в сиденье, зубами – в подлокотник и начал яростно их рвать. На этой репетиции присутствовал администратор «Ленфильма».

– Караул! – закричал он, увидев, во что превращается диван. – Борис Афанасьевич! Мы диван взяли напрокат, нам за него отвечать!

Эдер прикрикнул на Пурша, и тигр прекратил безобразничать. Но диван потом все-таки пришлось ремонтировать. Впрочем, пришлось ремонтировать и другой реквизит. Пурш вдруг пришел в очень игривое настроение и решил «выпустить пар». Тигры это делают просто – бросаются на кого-нибудь в шутку или всерьез. Поскольку на людей тигр кидаться не собирался, он наметил себе в жертву стоявшие поодаль кресла и стол. Раз, два! Одно кресло отлетело в сторону, из другого брызнули щепки, стол был опрокинут... Дрессировщики с трудом успокоили разыгравшегося Пурша.

Одного из главных героев картины, мотогогонщика Ермолаева, играл П. Кадочников. Практически все трюки Кадочников исполнял сам, отказываясь от помощи дублера. В фильме «Укротительница тигров» трюков было много. Например, мотоциклетные гонки или проезд

по городу на мотоцикле вместе с Людмилой Касаткиной. Это была очень сложная езда. Для того чтобы снять этот проезд, впереди шла осветительная машина (этот эпизод снимался вечером), которая, освещая сцену сильными лучами прожекторов, ослепляла артиста, сидящего за рулем, и очень усложняла быструю езду на мотоцикле.

Предвидя подобные трудности, месяца за три до съемок Кадочников купил мотоцикл и все свободное время ездил на нем, отрабатывая необходимые трюки. Кадочникову же первому Эдер предложил начать совместные репетиции с Пуршем. Артист согласился, хотя и заметил шутя:

– Борис Афанасьевич, только не забудьте, что у меня жена и дети!

Прежде чем позволить Кадочникову зайти в клетку к Пуршу, Борис Афанасьевич рассказал о характере и повадках тигра, о тех неожиданностях, которые могут произойти, о том, как надо на это реагировать. Учил артиста кормить Пурша кусочками мяса с палочки. В то же время и Пурш присматривался к Кадочникову, к его движениям, слушал его голос. Наконец, когда артист, по мнению Эдера, был подготовлен, дрессировщик разрешил ему зайти в клетку. Для отработки трюков потребовалось почти два месяца напряженного труда. Репетировали обычно с семи утра в павильоне, в центральной клетке.

На одну из таких репетиций случайно попали директор «Ленфильма» Долгов и заведующий по технике безопасности. Увидев Кадочникова в клетке с тигром, они пришли в ужас. После репетиции Эдера и Кадочникова пригласили в кабинет директора. Долгов в самой решительной форме запретил Борису Афанасьевичу заводить в клетку с хищниками артистов и потребовал, чтобы во всех опасных сценах Кадочникова подменял дублер. Но ни Кадочников, ни дрессировщик прибегать к помощи дублера не хотели. Они оба долго спорили с начальством, уверяя, что никакой опасности нет, что репетиции и съемки пройдут благополучно, так как все происходит в присутствии Эдера и любые недоразумения будут немедленно разрешены. Долгов нехотя согласился, и репетиции продолжились. А сюжет этой сцены был такой. Мотогонщик Ермолаев приходит в цирк на встречу с директором. В коридорах ни души, всюду валяются разбросанные папки с какими-то бумагами. Найдя нужный кабинет, Ермолаев стучится, но ему никто не открывает. А в кабинете тем временем хозяйничает тигр. Стоя на столе, зверь лапами сбрасывает на пол деловые бумаги. Звонит телефон. Тигр зубами снимает трубку, оттуда доносится бормотание: «Алло! Товарищ директор? Товарищ директор!» Тигр с рычанием бьет лапой по аппарату, и тот летит на пол. Нет здесь больше никакого директора! В этот момент, потеряв терпение, мотогонщик рывком открывает дверь, стремительно входит в кабинет и от удивления и страха как вкопанный застывает на месте. Тигр бросается на него! Опомнившись, Ермолаев пулей выскакивает обратно и, захлопнув дверь, налегает на нее плечом. Но и тигр в кабинете, встав на задние лапы, передними упирается в дверь. Тигр, разумеется, сильнее. Дверь уже потихоньку начинает открываться, но тут появляется девушка-уборщица с метлой в руках – Лена Воронцова. «Бегите отсюда!» – кричит Ермолаев, но девушка, стараясь оттолкнуть его от двери, рвется в кабинет: «Уйдите вы! Не мешайте мне!» Дверь открывается, тигр выскакивает в коридор, но Лена заслоняет от него «добычу». «Домой, Пурш! Домой!» – командует она. И тигр подчиняется. Ермолаев, вытирая со лба холодный пот, с изумлением смотрит вслед удаляющейся паре...

Вообще-то Пурш не привык разбойничать в директорских кабинетах. Так что дрессировщикам пришлось пойти на хитрость: деловые бумаги, которые тигру следовало разбрасывать, слегка мазнули клеем. Когда Пурш наступал на них, бумаги прилипали к лапам, и тигр немедленно принимался их стряхивать. С телефоном было несколько сложнее. Чтобы познать тигра с новым для него предметом, Эдер помазал аппарат сырым мясом. Учув любимый запах, Пурш обнюхал телефон, потом облизал его. Довольно быстро он приучился брать зубами трубку. А вот чтобы он бил лапой по звонящему аппарату, пришлось повозиться. Аппарат ставили напротив Пурша. Когда раздавался звонок, Эдер палочкой трогал передние лапы

тигра. Желая избавиться от беспокоившей его палочки, Пурш бил по ней лапой, но Эдер каждый раз успевал убрать ее раньше, и удар приходился по аппарату. Так постепенно у Пурша выработался условный рефлекс: он брал в зубы трубку, затем, услышав звонок, бил лапой по аппарату, за что получал кусочек мяса. Потом он проделывал все это уже без всяких «взятых», а Эдер, стоя за кадром, подавал ему команды жестами.

Отработать встречу Ермолаева с тигром в директорском кабинете оказалось, как ни странно, легче. Пурш на репетициях отлично понял смысл игры. Еще бы – ведь талантом ловить жертву тигры обладают с рождения! Эдер лишь приучил его бросаться по сигналу. Пурш прекрасно уяснил и это, а поскольку относился к Кадочникову дружелюбно, то понимал, что все это только игра. Кадочников – Ермолаев входил в кабинет, затем в испуге бросался обратно, а Пурш по команде Эдера соскакивал со стола и кидался следом. Время «погони» было рассчитано до секунды. Пока Пурш старался передними лапами открыть дверь, Кадочников, стоя с другой стороны, изо всех сил сдерживал напор тигра. А ведь стоило Пуршу прыгнуть на дверь всерьез, артист ни за что не удержался бы! Во время этой схватки между дверью и косяком образовалась щель, сквозь которую виднелись лапа и морда рычащего тигра. Многие зрители убеждены, что это комбинированная съемка. Ничего подобного!

– Павел Петрович, уберите лицо подальше, тигр может вас ударить! – волнуясь, говорил Эдер, стоявший за кадром: Пурш мог случайно попасть лапой в образовавшуюся щель и задеть Кадочникова по лицу. А операторы и режиссеры, находившиеся в это время за решеткой, кричали совсем другое:

– Кадочников, дайте лицо ближе к тигру, вы выходите из кадра!

Этот киношный народ всегда думает только о съемке удачного кадра, но никогда об опасности, которой подвергается артист. Но все отсняли благополучно.

...Эдеру также приходилось заниматься с артистом Филипповым, который играл зазнавшегося дрессировщика Алмазова. Дрессировщик Алмазов, разозлившись на карикатуру в стенгазете, идет к директору разбираться, а для устрашения берет с собой тигра. (Этот небольшой эпизод очень нравился Пуршу, и поэтому никакого риска для Филиппова не было. Артист брал поводок, который предварительно надевали на Пурша, и вел тигра по коридору в кабинет директора. Пурш еще с детства помнил, что ошейник и поводок – сигнал для прогулки, и потому с нетерпением ждал этого момента.) В кабинете кроме директора оказывается и главный бухгалтер. Директор успевает спрятаться в шкаф, бухгалтер застывает на месте. «Лежать!» – командует Алмазов, но тигр, вместо того чтобы лечь на пол, устраивается на директорском диване. Тогда бухгалтер, осторожно пройдя мимо, выскакивает за дверь...

Артист Сорокин, который играл роль бухгалтера, ни в какое дружелюбие Пурша не верил и потому просил избавить его от встречи с тигром в кадре. Но Эдер вместе с оператором А. И. Дудко и режиссером Н. Н. Кошеверовой решили все-таки снять эпизод без ведома артиста, тем более что «встреча» должна была проходить на приличном расстоянии. Заверив Сорокина, что съемки будут комбинированными, приступили к подготовке. Эпизод, когда тигр забирается на диван, был отснят заранее. Так что артисту оставалось изобразить смертельный испуг, пройти мимо пустого дивана и выскочить за дверь. Когда же Сорокин увидел на диване тигра, испуг его был столь впечатляющим, а крадущаяся походка – такой выразительной, что дубль даже повторять не пришлось.

После съемок Сорокин, пожимая Эдеру руку, уже сам смеялся и благодарил за этот трюк, участником которого стал поневоле...

Еще в Москве, во время подготовки тигров к съемкам в картине «Опасные тропы», Эдер предложил Касаткиной приходить на репетиции – привыкать к животным, чтобы потом сниматься без дублерши. Но артистка отказалась, а впоследствии пожалела об этом. Уже на «Ленфильме» репетировали несколько эпизодов, где Касаткиной все же пришлось сниматься вместе с Пуршем. Репетиции прошли удачно; познакомившись с необычным тигром, артистка

убедилась, что это умный, ручной и очень миролюбивый зверь. Она перестала бояться и даже просила Эдера подготовить ее для самостоятельной работы с тиграми. Но время уже поджимало, звери привыкли к Маргарите Назаровой, а приучать их к новому дрессировщику было слишком опасно.

И все же много в картине Людмила Касаткина делала сама. Она действительно кормила Пурша мясом с палочки, просовывала к нему в клетку миску с водой, гладила его сквозь прутья решетки и даже трепала слегка по загривку, упрекая за побег. По мнению Эдера, Касаткина вполне могла бы справиться со всеми эпизодами, в которых участвовали хищники. И кто знает, может быть, вместо артистки Маргариты Назаровой на аренах советских цирков потом с успехом демонстрировала бы свое мастерство артистка Людмила Касаткина... В фильме было много трюков с животными, какие-то сложнее, какие-то проще. Разумеется, слону съесть бухгалтерский отчет гораздо проще, чем резиденту – шифровку. Слон в огромном количестве употребляет грубые корма – ветки, сено и так далее, а при случае вполне может закусить чьей-нибудь курткой... Так что съесть отчет для него – это просто, особенно если за это угощают лакомством. Вприкуску с фруктами и конфетами любой слон с удовольствием съест всю цирковую документацию. А вот научить тигров кататься на карусели было намного сложнее...

У этого номера своя предыстория. Когда-то у Эдера был аттракцион со львами. Одним из центральных трюков в нем был трюк с каруселью. В центре карусели стояла помощница Эдера Тамара Николаевна Соловьева, на сиденьях вокруг нее расположились четыре льва, а еще два, опираясь передними лапами на водила, вращали карусель. Теперь Эдер решил восстановить в фильме этот трюк. Трех тигров – Ахилла, Байкалочку и Радугу – посадили по окружности карусели на удобных (чтобы им не хотелось соскочить) сиденьях. В центре, над тиграми, стояла дублерша Касаткиной Назарова. Пуршу, как всегда, отводилась главная роль: опираясь передними лапами на водило, он приводил в движение всю конструкцию. Эту работу, как и все предыдущие, Пурш выполнял с охотой. Медленно переставляя задние лапы, передними он толкал карусель; поворачивая голову к решетке, он, тихо фырча, рассматривал окружающих. Его трудолюбие артисты и работники «Ленфильма» награждали бурными аплодисментами.

Перед постановщиками картины стояла еще одна сложная задача – отснять эпизоды с хищниками так, чтобы зритель не заметил подмены героини дублершей. Назарова была чуть выше Касаткиной и более худой. Одежда и грим устранили эту разницу. Даже родинку на лице Маргариты заклеили. Снимали дублершу, как правило, со спины или в профиль. А режиссерам и оператору хотелось снять Касаткину крупным планом на фоне сидящих на карусели тигров. Поэтому пришлось прибегнуть к комбинированным съемкам.

Центральную клетку разделили пополам такими же решетками, из которых она состояла. В середине перегородки вместо одного щита было вставлено толстое стекло размером три на три метра. В одной половине клетки вплотную к стеклу поставили карусель. По другую сторону стекла должна была находиться артистка, стоящая на уровне карусели, спиной к тиграм. Напротив Касаткиной расположился снимавший этот трюк оператор, которого вместе с кинокамерой завесили черным сукном – чтобы не отразился в стекле. В сукне проделали дырку для объектива. Одного не учел Борис Афанасьевич: тигры, в отличие от домашних кошек, узнают свое изображение в зеркале. Точнее, они принимают собственное отражение за другого тигра и реагируют сообразно характеру и настроению. Более того, опыты показали, что тигр реагирует даже на нарисованное изображение тигра, если рисунок выполнен в натуральную величину. Но, в то время Эдер этого знать не мог. К счастью, он решил сперва отрепетировать эпизод без посторонних. Вместо Касаткиной поставил в другой половине клетки, далеко от стекла, Маргариту, предупредив, чтобы она была предельно внимательна. Выпустив тигров в первую половину клетки и рассадив их на карусели, Эдер послал Пуршу вращать ее. Карусель поехала, и звери, проезжая мимо стекла, неожиданно увидели в нем своих сородичей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.